

ССТУРК)
1112

**ЮСУП
И
АХМЕТ**

ТОГРИЗ — АШХАБАД

Юсуп
Мисок
19-1953

К. А. МАГРУПИ

B2
M12

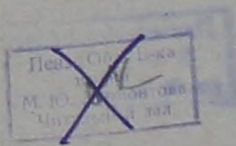
ЮСУП и АХМЕД

С (Турк)
M1

Сокращенный вариант

Перевод с туркменского
ГЕОРГИЯ ШЕНГЕЛИ

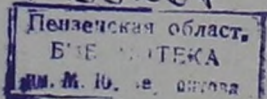
~~2066~~

ТУРКМЕНОГИЗ
АШХАБАД
1944

*Вступительная статья
и редакция Г. Карпова.
Комментарий Б. Карры-
ева. Художник Н. Щапов*

л. 159.667

Техредактор *Н. Зубова*
Корректор *М. Гаджиев*

Сдано в набор 12/V-44 г. Подписано к печати 15/XI-44 г.
Пет. лист 5,75 ТОГИЗ № 1018 Заказ № 1040. Формат
60×92. Тираж 5.000. И 07076.

Цена 12 руб.

Ашхабад Полиграфкомбинат Управления по делам
печати при СНК ТССР

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

То, что называется „творческим побуждением“, у переводчика стихов весьма прихотливо и своеобразно. Почему поэт берется за переводы? Не потому что „за переводы платят“. Платят и за многое другое, более легкое, и платят порою лучше. Суть дела в ином.

Жуковский, первоклассный поэт и великий мастер перевода, говорил: „у меня все чужое и в то же время все свое“. Это не значит, что Жуковский переделывал стихи иноязычных авторов, что он писал свои вариации на чужие темы. Это значит, что он перевоплощался, что в чужом переживании, в чужом образе, он находил свое переживание и свой образ, уже оформленные, уже прозвучавшие.

„Но,— скажут,— ведь Жуковский переводил самых различных, самых несхожих поэтов“.

Конечно; но отсюда следует только то, что он сам был способен переживать самое различное и самое несхожее. Ведь можно читателю любить самых различных поэтов одновременно? Пушкин для читателя не исключает Брюсова, и Есенин не перечеркивает Ахматову. Это означает, что в нашей читательской психике живут одновременно умонастроения и Брюсова, и Ахматовой, и Есенина, и Пушкина.

Почему же нельзя поэту хранить в себе те струны, которые в полную силу звучали у Гете и Байрона, у Эдгара По и Верлена? Почему нельзя ему стремиться дать этим своим струнам звучание?

Актер играет убийцу. и играет героя. „благород-

ного отца" и „бездушного фата"; значит, в его душе есть соответственные элементы, хотя бы в зачаточной форме. А „сам по себе", т. е. в основных своих психологических показателях он может быть, совсем не такой.

Так и поэт: у него — свое лицо, свое видение мира, свой голос, своя властная тема. А наряду с этим есть у него другие личности, другие миражи, другие шопоты. Они „просятся наружу" и проявляются — в переводах. Поэту хочется быть блистательным, сверкать строкой как шпагой, бить в набат, разговаривать со стихиями, — и он берется за перевод Гюго. Ему хочется звуковых переливов, расплывчатых полутонов, беспредметной грусти, — и он берется за перевод Верлена. „Сам он" не такой, иной; основная его творческая струя — другая, но „боковые протоки", заводи, затоны могут по иному отражать небо и давать приют другим птицам и рыбам.

И там зарождаются — переводы.

На практике дело обстоит и сложнее, и проще. Поэт влюбляется в стихи другого поэта; если этот поэт — его соплеменник, возникают „подражания", „заимствования", „перепевы". Если это иноязычный поэт, — для влюбленности есть более откровенный выход: перевод. Это просто. Сложно другое: во что, в данном поэте, влюбляется его будущий переводчик? Часто на этот вопрос крайне трудно ответить ему самому.

Пушкин наткнулся на крикливую, напыщенную мелодраму Вильсона „Город Чумы", которая никак не могла ему понравиться, вынудил из нее одну коротенькую сцену, рукой гениального мастера переделал „Песню Мари" и „Песню Председателя", весьма точно переводя окружающий эти песни диалог, и дал бессмертный „Пир во время чумы". Он как бы нашел пробирку с культурой каких то творческих гибков и дал им жизнь. Но переведенная им сцена ничуть не лучше и не хуже других сцен той же пьесы, и однако в них он не

вынскал для себя ничего. И объяснить творческую необходимость такого перевода едва ли бы мог он сам..

Ныншняя методика перевода, конечно, не допускает вольной интерпретации оригинала. К нему мы подходим бережно, мы видим в нем литературный памятник, подлежащий целостному воспроизведению. Но основные побуждения, толкающие к переводу той или иной вещи, те же самые.

И вот, меня спросят: „Почему вы перевели роман Магрупи? Какою стороною он вам близок?“

Конечно, основная идея романа — „будь скромн“ (ведь все несчастья Юсупа и Ахмета проистекали из-за нарушения ими этой житейской заповеди) мне чужда. Но я думаю, что она была „чужда“ и самому автору: она послужила ему только поводом к развертыванию событий: он так живо и сочувственно рисует именно нарушение этой формулы, так увлекательно показывает удалую и молодую заносчивость своих героев, так восторженно распевает с Юсупом последнюю песнь о достижении всех целей об осуществлении всех желаний, что эта постная мораль, явно, была для Магрупи лишь сюжетной заставкой.

Конечно, мусульманский пиетизм, пропитывающий многие песни романа, не находит во мне адепта. Но я думаю, что и эта струя была только авторской давню времени. Юсуп и Ахмед непрерывно говорят о своем уважение к своим духовным наставникам, пирам Ала-Ходже и Шейхи — Шеребу, но в своих поступках нечуть с ними не сообразуются, да и сами пиры даже не показываются на сцене.

Конечно, не фабула, весьма простая и, порой, противоречивая, могла увлечь меня. Не пейзаж: его нет в романе. Не полет фантазии: в романе все очень просто и реалистично, несмотря на многочисленные гиперболы и некоторые „чудеса“ (заклятие реки, рассылка с поручениями журавлей и т. п.). Не „исторический материал“: в романе для не-специалиста „нет“ истории.

Но в романе так много наивного и хорошего, такие в нем ясные души и здоровые стремления, такая четкость силуэтов, столько в нем подлинного благородства и сильного чувства, что в него погружаешься как в нарзанную ванну.

Культ удали и смелости, острое чувство родины, высокая гордость воина, трогательная преданность джигитов вождю и товарищу, светлая и нерушимая любовь жеп и мужей, детей и родителей, бескорыстие в самих захватах (Юсуп не берет себе военной добычи, все делит между своими бойцами), благородство, щедрость, высокая человечность отношений (дружба Юсупа и Ахмеда с Камбаром, образ Карагез и Биби-Нияз) и т. д., — все это охватывает каким то бодрящим током.

Перед нами подлинное, органическое, глубокое народное произведение.

Нам, людям XX века, может-быть, не о чем говорить с Юсупом, но с ним можно пойти на любое опасное дело: в нем те же черты и свойства, которые проявлены нашими героями на полях великих битв за советскую родину. Мы, может быть, соскучились бы с прелестной пери Гюль Хатиджой, но мы бы ей безоговорочно и безгранично верили. Мы, может быть, не согласились бы, как Юсуп, простить коварного Гозель-шаха, но не могли бы не признать, что Юсуп проявил самое высокое благородство: благородство победителя.

Перед нами — прелестный, наивный рыцарский роман, — вторая „Песнь о Роланде“.

И — какой поэт не хотел бы хоть иногда быть Турольдусом?..

Георгий Шенгели

Р. С. В целях популяризации романа Туркменгиз выпускает мой перевод в двух вариантах: сокращённом и полном. Обоздания выйдут почти одновременно.

---

*КУРБАН-АЛИ МАГРУПИ И ЕГО РОМАН
„ЮСУП И АХМЕД“*

Поэт XVIII в. Курбана-ли Магрупи в своём дестане „Сейпельмелек Медхалджамал“ говорит, что он, Курбана-ли, происходит из туркменского рода „Магрупи“, племени Емрели.

Племя Емрели принадлежит к числу древнейших туркменогузских племен и упоминается уже XI веке в трудах Махмуда Кашгарского.

Позднейшие авторы работ по истории тюркомонголов — Рашид-ад-дин (XIII—XIV вв.), Абульгази Богадур хан-хивинский (XVII в.) также причисляют племя Емрели к туркменам-огузам, которые в IX—X вв. располагались в низовьях рек Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, в районе Нура Бухарского, а затем, в XI веке приняли участие в походах туркмен-сельджуков. Находясь в составе войск туркмен-сельджуков, Емрели проникают в Иран, Ирак, Сирию, Армению, Грузию и в Малую Азию. Отдельные отряды туркмен в этих походах достигают границ Египта.

В наше время осколки значительного в прошлом племени Емрели проживают почти во всех тех местах, где им приходилось совершать походы, находясь в составе войск сельджуков: в отдельных районах Туркменской ССР, в Анатолии, Иране, Азербайджане и др.

Курбан-али Магрупи происходил из той части емрелинцев, которая поселилась на территории, вошедшей ныне в состав Туркменской ССР. Родился он в ауле Дурун, Бахарденского района (по современному адми-

стративному делению). Проживал Магрупи в аулах Бами, Боурме и Арчман.

В романе „Юсуп и Ахмед“, Магрупи в дружественных тонах говорит о туркменах-текинцах и их вождах, участвующих в походах под предводительством братьев емрелинцев Юсупа и Ахмеда. Этот момент показывает, что роман был написан до 1820-х годов, т. е. до начала военных действий между теке и емрели, начавшихся в 1820 годах за обладание Ахальским оазисом, который в результате этой борьбы отошел во владение туркмен-текинцев.

Сказанное дает основание предполагать также, что Курбан-али Магрупи был современником великого туркменского поэта Махтум-Кули (1733—1782). Народные предания подтверждают наше предположение: в них говорится, что „Магрупи часто обращался к Махтум-Кули за советами“.

Перу Магрупи принадлежат, кроме романа „Юсуп и Ахмед“, — историческая повесть „Доулет-Яр“, упоминавшийся выше дестан „Сейпельмелек Медхалджамал“ и десяток других литературных произведений.

Более точных сведений, о подробностях биографии поэта и о его связях с представителями прославленной плеяды туркменских поэтов XVIII-XIX вв., мы не имеем.

* * *

В эпоху, когда жил и подвизался Магрупи (конец XVIII, начало XIX в.) шла ожесточенная борьба за утверждение власти феодальных правителей тюрков в Средней Азии, Иране и Афганистане.

Под флагом религиозной борьбы между суннитами, по преимуществу тюрками, шиитами, по преимуществу иранцами-фарсами велась борьба за политическое господство в названных государствах. В этой нацио-

нально-религиозной борьбе не оставалась в стороне и суннитская Турция, где утвердившаяся турецкая династия — османов так или иначе влияла на ход борьбы своих восточных соседей, способствуя успехам оружия тюрок-суннитов.

В результате этой борьбы, в конце XVIII и начале XIX вв. в Средней Азии утвердились узбекские династии: в Хиве — кунградская (с 1804 г.), в Бухаре — мангытская (с 1785), в Фергане (Коканде) — Минг (1810-е годы). В Афганистане выделившемся из Иранского государства после гибели Надир-шаха (1747), власть перешла к представителю племени Абдал, шаху-Ахмеду-Дуррани. В Иране в 1796 году политическое господство перешло в руки турецкой династии — Каджаров.

В период утверждения политического господства узбеков, абдалов (дуррани) и каджаров, туркменские племена не представляли собою единого целого. Между отдельными племенами, а иногда и родами, стремившимися к оседлости, продолжалась борьба за обладание пастбищными угодьями, водопойными источниками и за культурные оазисы: Ахал, Теджен, Мургаб, Атрек-Гюрген и окраины хивинского ханства. Все эти оазисы лежали на путях между — Хивой, Ираном, Бухарой и Афганистаном. Правители последних, привлекая на свою сторону туркменских вождей, путем подкупа или в порядке принуждения вовлекали туркмен в происходившую между ними борьбу в качестве наемного войска для охраны границ своих государств. Такая политика правителей Ирана, Хивы, Бухары и Афганистана преследовала двоякую цель: подчинить своему влиянию воинственных туркмен, сделать из них заслон на государственных границах и путем подчинения туркмен добиться их расчленения, чтобы тем самым воспрепятствовать их стремлениям к политическому объединению.

Однако в силу этнической и религиозной общности

бытовых особенностей и обычаев туркменские племена в большинстве своем выступали на стороне хивинских и бухарских ханов в их борьбе с Ираном.

Это обстоятельство, разумеется имело своим следствием то, что туркмены, жившие вне Ирана, смотрели на шиитский Иран и на его западных соседей, исключая Анатолийскую Турцию, как на „исконных врагов“, „верооступников“, „кызылбашей“, „езидов“ и т. д., война с которыми считалась священной обязанностью правоверных (джихад).

Такой взгляд на Иран и иранцев, внушавшийся туркменам ортодоксальным духовенством, в частности суннитской „священной“ Бухары, получил свое отражение в туркменских народных героических сказаниях и в творчестве туркменских поэтов, особенно XVII—XIX вв.

Сказанное выше о взаимоотношениях, сложившихся между отдельными народами и племенами Средней Азии и Ирана в той или иной мере нашло свое отражение и в романе Магрупи — „Юсуп и Ахмед“.

Роман „Юсуп и Ахмед“, или как он назывался тогда, до записи его Магрупи, „Боз-Оглан, Юсуп-бег, Ахмедбег“, считался анонимным туркменским народно-эпическим произведением. Он был широко известен и распространен среди туркменского народа и в настоящее время туркменский народ также считает его своим исконным достоянием. Он известен и среди других тюркских народов: узбеков, казахов, каракалпков, волжских татар и др.

В романе ярко выражены признаки его „туркменского происхождения“ и „традиции среднеазиатской, анатолийско-азербайджанско-туркменской литературы“.

До появления писанного романа в редакции Курбанали Магрупи, среди туркмен и других среднеазиат-

ских народов он был распространен через профессиональных певцов-музыкантов и импровизаторов „бахши“. Магруппи свел воедино туркменские варианты анонимного романа „Юсуп и Ахмед“, авторизовал его и литературно оформил.

Выясняя происхождение романа „Юсуп и Ахмед“, автор „Очерков по истории туркменской литературы“¹⁾ приводит ряд ценных сведений, имеющих большое значение для установления истории романа.

В „Очерках“ говорится, что венгерский тюрколог Вамбери в опубликованных „Чагатайских этюдах“ (Лейпциг 1867 г.) дает краткое содержание романа „Ахмед и Юсуп“ по рукописи, приобретенной им в Хиве. Вамбери назвал роман „узбекским“. Причислен роман к числу узбекских, насколько можно видеть из слов автора „Очерков“, по следующей причине. Принадлежащий Вамбери рукописный экземпляр романа был переписан по его поручению узбеком, а в публикации 1911 г. Вамбери переписчика причисляет уже к „персидским рабам“. Нам известно, что в Хиве во время посещения её Вамбери рабы персидской или другой национальности могли быть только в узбекских хозяйствах и поэтому знали или изучали язык в первую очередь своих хозяев — узбеков. Поэтому, был ли переписчиком у Вамбери узбек или „персидский раб“, они могли дать рукопись только на узбекском языке и тем самым „обузбечить“ туркменский роман. К этому можно присовокупить также личное указание драматурга Басыра на то, что роман „Юсуп-бег и Ахмед-бег“ до революции 1917 г. был издан в Ташкенте, частным издательством Гулям-Хасана Арифджанова и поэтому в торговых интересах был „обузбечен“.

Вамбери признаёт, однако, что роман „Юсуп-бег и

---

1) „Туркмения“, т. I, изд. Академии Наук СССР, 1929 г. стр. 125 — 167.

Ахмед бег* весьма популярен в Хиве среди туркменских племен и имеет многочисленные варианты с местными дополнениями. Востоковед Мартин Хартман в 1902—1903 г.г. вывез из Китайского Туркестана (Кашгар, Яркенд) две рукописи романа „Юсуп и Ахмед“, которые в 1904 году были опубликованы в Берлине. В одной из этих рукописей (кашгарской) главные герои романа названы туркменами из племени Емрели и указано, что их местом жительства были — вначале Исфаган (Иран), а затем Хива-Ургенч.

В Казани роман „Юсуп-бег и Ахмед-бег“ печатался несколько раз: в 1889, 1890, 1896, и 1910 г.г. в Типографии Домбровского. В приписке к роману издатель оговаривается, что последнее издание (1910 г.) было приспособлено (по языку) к казахскому читателю, записан же сам роман в 1879—1880 г.г. со слов каз. ха Эшбай.

Близкий к Казанскому и Вамберскому вариант романа был так же издан в Самарканде в 1904 году и в Кагане (год издания не установлен).

Во всех вариантах романа, изданных за последние 70 лет, в том числе и в СССР (Керкинский вариант, составитель М. Косаев, редактор Б. А. Каррыев)¹⁾ говорится, что братья Юсуп и Ахмед происходят из туркменского племени Емрели, что события, описываемые в романе происходили в Исфагане, Ургенче (Хива) и Египте. Участниками борьбы с одной стороны были туркмены — емрели, с другой „люди Гозельшаха из Мисыра“ (Египта).

В романе, принадлежащем Курбана-ли Магрупи в число героев введены руководители племени теке, Пир-Назар и Заман-бег современники Надир шаха (XVIII в.), о которых память среди туркменского народа, как о героях событий XVIII в. была еще жива в годы жизни и творчества Магрупи. Отсюда, конечно, не сле-

¹⁾ К. А. Магрупи „Юсуп и Ахмед“ ТГИЗ. Ашхабад 1943 г.

дует, что борьба Юсупа и Ахмеда с Гозельшахом, описываемая в романе, происходила в XVIII в. Роман, как народно-эпическое произведение, по данным исследователей-востоковедов, сложился „в доисламские для туркмен-огузов времена“, т. е. до X в. Включение в роман туркменских героев XVIII в. Пир-Назара и Заман-бега произошло, надо полагать, в целях поднятия в народе общеплеменного патриотизма в связи с борьбой туркмен в годы жизни Магруппи с сильными соседями, посягавшими на свободу и независимость туркменских племен.

Своими корнями туркменская письменная литература и туркменский письменный язык исламской эпохи восходят к двум начальным периодам: караханидо-кашагарскому (XI в.) и сырдарьинско-хорезмскому (XII — XIV вв.). На дальнейшее оформление и развитие туркменской литературы особенно сильное влияние имела с XV века до новейшего времени, средне-азиатско-турецкая (чагатайская) литература. Своего наивысшего развития туркменская классическая литература достигла в XVIII — XIX вв. Основоположником классической поэзии был Махтум Кули Фраги (1733 — 1782). Магруппи, как и многие другие соотечественники-поэты XVIII—XIX вв., был учеником великого поэта.

В романе „Юсуп и Ахмед“, по мнению Вамберги, „отражены нравы“ „минувших веков, и запечатленные в нем дух и мировоззрение вызывают в памяти доисламские времена турецких народов“.

Основные события, приведенные автором в романе переносит нас далеко за пределы Средней Азии, в страну „езидов“, „кизылбашей“, богатую горами и водой. Ряд параллелей к отдельным местам романа „Юсуп и

Ахмед*, можно найти в таких широко распространенных не только среди туркмен, но и повсеместно на тюркском Востоке устных и письменных романах, как: „Саятли и Хемра“, „Ашик Гариб и Шах-сенем“, „Ашик-Керем“ и др.

Краткое содержание романа „Юсуп и Ахмед“ сводится к следующему, Шах Исфагана Боз-оглан, происходивший из туркменского племени Емрели, двух своих сестер отдает в жены своим полководцам Ага-Беку и Баба-Беку. У первого рождается сын Юсуп и у второго — Ахмед. Через много лет племянники шаха стали смелыми охотниками и хорошими наездниками; у каждого из них было по пяти тысяч людей своего племени. Слава о них распространилась по миру. Один из придворных Боз-оглана предупреждает своего повелителя о том, что „народ переходит к ним (племянникам) и что они решили овладеть вашим тронем“. Боз-оглан отписал приказание племянникам — выехать вон из пределов страны, т. е. Исфагана.

Братья с десятью тысячами кибиток через Сабзавар достигают Хивы, где правитель Эрали-хан предложил Юсупу управлять Хорезмом, а Ахмеду — Газараспом. Эрали выдает за Юсупа свою дочь Гюль Хатиджу, а за Ахмеда Мангишлакский управитель Надир выдает свою дочь Адину. Юсуп избрал себе пиром (духовным советником) Адлау Ходжа, а Ахмед -- Ишана Шейхи - Шерепа.

Падишах Мисыра Гозельшах, поклонявшийся идолам, увидел сон: два льва напали на него, а изо рта у него вылетела черная птица. Мудрец — мусульманин страны Чин-мачин по имени Баба-Камбар, объяснил падишаху его сон: „Юсуп и Ахмед твой трон займут“. Гозельшах поручает своему слуге — шпиону Мурзамеду отправиться в Ургенч и доставить к нему двух братьев на расправу. Перевалив семь гор, Мурзамед достигает Ургенча и устраивается на службу к Юсупу. Навестивший Юсупа Бозоглан предупреждает свое-

го племянника, что Мурзамед человек подозрительный и что его следует убить. Юсуп самонадеянно отказался выполнить совет дяди и впоследствии за это поплатился. Мурзамед хитростью уводит братьев на охоту, где они были схвачены людьми Гозельшаха и доставлены к нему в Мисыр. Гозельшах приказал набить братьев камнями, но они остаются живы и их затем сажают в темницу, где находился и Баба Камбар. При помощи дочери тюремщика Карагез одной пленницы (землячки) братья остаются живы и после 7-летнего заключения их приводят к Гозельшаху, который предлагает Юсупу состязаться в игре на дутаре с Геджекшахиром.

Юсуп остается победителем. Братьев освобождают от дальнейшего заключения, дают им 40 мулов золота и отпускают на родину. На родине Юсуп собирает войско, приглашает воннов из других стран для участия в походе и, достигнув Мисыра, побеждает Гозеля. По просьбе Карагез Гозельшаха оставляют в живых а самое Карагез Юсуп отдает в жены Баба-Камбару. Баба-Камбар уезжает с женой в свою страну Чин-мачин, Гозельшах переходит в мусульманскую веру. В заключение Юсуп исполняет песню „Все сбылось, чего я хотел“...

При ближайшем знакомстве с содержанием нашего варианта романа „Юсуп и Ахмед“, легко подметить соединение в нем событий и явлений, которые можно отнести к различным эпохам. Начиная с мифических представлений, которыми были богаты древние народные героические сказания, в романе также резко выражены религиозные чувства, проникнутые мистицизмом — черта, присущая лирической поэзии средневековья. Все это об*единяется с позднейшими событиями, которые переживал или наблюдал Магрупи. Такое

объединение подчас трудно согласуемых явлений и заимствований можно объяснить самой структурой романа, принятой автором.

Роман построен на большом историческом материале, взятом из народных сказаний, передававшихся из уст на протяжении ряда веков, сказаний, переживших многие поколения и на событиях, пережитых самим туркменским народом на своем историческом пути.

Как и у других народов, у туркмен устное, словесное творчество предшествовало письменному и, разумеется, влияло на последнее. Кроме того, каждая ступень в историческом развитии туркменского общества вносила в содержание народных сказаний свое особенное, отличное от предшествующих эпох воззрение. Преодолевая века и пространства обрстая на своем пути новыми вариантами, народные сказания приобретают, таким образом весьма сложный характер. Примером тому служит роман Магруппи „Юсуп и Ахмед“, в котором соединены различные варианты народного сказания о братьях-полководцах. Автор, как мы видели выше, не свободен как и многие другие его современники поэты, от заимствования у своих предшественников или из соседних литератур всего того, что имело сюжетное сходство или могло служить дополнением, подчас необходимым автору для придания его произведению силы и значения в целях усиления чувств патриотизма в его народе.

Патриотизм, борьба за родину, призывы к сплочению — характерная черта в произведениях всех туркменских поэтов, начиная с древнейших и кончая поэтами XVIII — XIX вв.

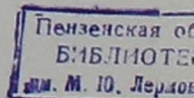
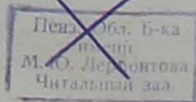
Перевод и печатание романа Магруппи „Юсуп и Ахмед“ имеет для нас, особенно для исследований литературы и истории туркменского народа, немаловажное значение. В романе, наряду с сообщениями мифологического порядка и изложением взглядов самого ав-

тора, дается значительный материал живописующий прошлое туркменского народа, его патриархальные и родоплеменные пережитки, особенности которых приходится постоянно учитывать в наших исследованиях прошлой и настоящей истории туркмен. С другой стороны, культурное развитие туркменского народа, достигнутое за годы Советской власти в Туркмении, привлекает к ней интерес народов не только Советского Союза, но и народов зарубежного востока. Поэтому издание романа „Юсуп и Ахмед“ и в этом отношении является делом, вполне актуальным.

Любовь туркменского народа к своей родине и к своему героическому прошлому вдохновляют его на новые подвиги в борьбе с гитлеровскими бандами. О боевых традициях своих предков туркменский народ познает из устных героических сказаний и письменных памятников, созданных его сынами. В настоящем — туркменский народ свою преданность родине демонстрирует своим героизмом на фронте, на полях сражений и своей сплоченностью в тылу, где все его усилия подчинены делу ускорения победы над врагом человечества — фашизмом.

Ашхабад
апрель 1944

Г. Карпов

Глава первая

Происхождение Юсупа и Ахмеда

Повествователи древние так говорят:

Был в старинные годы в стране Исфаган шах и звали его Бозогланом. Было у шаха два полководца: один Ага-бек, а другой Баба-бек. Оба, близкие родственники Бозоглана, происходили они, как и сам он, из племени емрели.

Бозоглан двух сестёр своих в жены им дал и зятьями их сделал.

Год миновал, и у каждого сын родился.

Пригласил Ага-бек Бозоглана, чтоб дал он племяннику имя.

— Дай племяннику имя, — сказал Ага-бек.

На руки взял Бозоглан младенца и песню пропел, имя ему нарекая:

Благодари: ты счастьем одарен;

Да примет сын твой имя Юсуп-бек.

Ты в этом мире властен и силен;

Да примет сын твой имя Юсуп-бек.

Пусть в жизни долгой счастье будет с ним,
Пусть он по далям славится степным,
Пусть будет люб и дальним и родным;
Да примет сын твой имя Юсуп-бек.

Пусть на него глядит с восторгом друг;
Пусть он, охотясь, видит ширь вокруг;
Пусть в Мухаммеде встретит ключ наук;
Да примет сын твой имя Юсуп-бек.

Здесь Бозоглан завет ему дает:
Охотясь по долам и средь высот,
Пусть он зверью ведёт на сотни счет.
Да примет сын твой имя Юсуп-бек.

После этого и Баба-бек попросил Бозоглана
о том же. Открыл у младенца лицо Бозог-
лан и песнею дал ему имя:

Баба-везир! Пускай твой сын
Ахмед-мурзою зваться будет.
Пусть шелк волос как райский крин
Вдоль плеч могучих стлаться будет.

Пусть будет сердцем он — алмаз,
Лицом — луна в полночный час;
Пусть хмельный взор газельих глаз
Улыбкой изливаться будет.

Сто тысяч благ вобрав душой,

Пусть как Рустем он рвётся в бой,
Стремясь к добру, — и добротой
Над всеми возвышаться будет.

Пусть он любимую найдет,
Как попугай гранатный плод,
И Бозоглану вслед пойдёт:
Науками питаться будет.

После этого много лет протекло. Сыновья возмужались. Стали наездниками они, стали охотниками. Ладные, чистые, с обликом льва и сердцем отважного волка, батырами истыми стали они.

И у каждого пять или десять тысяч подвластных считалось.

Юношей Исфагана учили они боевому искусству, отважным потехам. Щедро дарили они к ним на службу вступавших джигитов конями, оружием, бранною сбруей. Ни одного не осталось джигита у врат Бозоглана; друг за другом к Юсупу они отошли и служить ему стали.

Однажды придворный один, позавидовав славе Юсупа и славе Ахмеда, к шаху с наветом явился.

— О, царь вселенной, сказал он, — о, падишах! Громозвучная слава племянников ваших весь мир облетела. Народ переходит к ним, и, говорит, порешили они овладеть ва-

шим тронем. Позвал падишах своего письмовода и велел отписать приказанье племянникам — выехать вон из пределов страны.

И вот, что прочел в том письме Юсуп-бек:

Коль ханов два в одной стране, то один
Другому станет вмиг врагом, говорят.
Не всякой птице средь лесных жить вершин,
Хоть ворон хочет стать орлом, говорят.

Что замышляют тот и тот мальчуган?
Пускай покинут сей же час Исфаган!
Как видно, создали они вражий стан:
Таится тигр в шакале злом, говорят.

К ним собирается, слышать, всякий сброд;
Пускай раскаянье скорей к ним придет,
Не то им на головы гром ниспадет:
Железо может стать клинком, говорят.

Я шах, султан; богатый трон у меня,
Обложен золотом балкон у меня,
Весь Исфаган, волшебный сон, у меня, —
Но жалкий пес быть жаждет львом, говорят.

У Бозоглана сил терпеть больше нет;
Он шлет приказ: чтоб избежать горьких бед,
Пусть в путь готовятся Юсуп и Ахмед,
Что завладеть хотят дворцом, говорят!

После этого кликнули Клич Юсуп-бек и Ах-

мед, собрали приверженцев, — десять тысяч кибиток, — и откочевали подалее от Исфагана. Сорок пять дней путь держали они и достигли источника, называемого Сабзавар, где вокруг был прекрасный оазис.

Стан они там раскинули, жить там осели. Сорок отборных джигитов собрал Юсуп-бек и начальником их Ашир-бека, сердара, поставил. Стал Ашир-бек отбивать нападения врагов, да и сам иногда нападал на пути, что вели к Исфагану.

Вот однажды, когда Юсуп-бек и Ахмед, и Ашир-бек, сердар, со своими джигитами находились в походе, — конь Юсупа, Мар-Гир, стал как вкопанный перед какой то могилой. Камчою ударил его Юсуп-бек, но скакун и не двинулся с места. Огорчился Юсуп и пропел.

Мар-Гир, зачем не мчишься ты
Привычную тропой сегодня?
Иль мне не покоришься ты?
Скажи мне: что с тобой сегодня?

Глядишь, дрожа, в простор степной;
Беду ль ты чуешь пред собой?
Иль пыль — летать с гяуром в бой —
Вдруг сглазил глаз дурной сегодня?

Юсуп взывает: мой конек!
Ужель ты, мощный, изнемог?

Хорезма в дальний уголок
Умчи меня стрелой сегодня!

После этого бедный Мар-Гир заржал. Огляделся кругом Юсуп-бек и увидел, что в той стороне, где лежит богоданная Мекка, зеленый бунчук и два красные стяга предстали.

— Святыня! — воскликнул Юсуп, соскочил и к видению помчался бегом, но на встречу ему поползли скорпионы, драконы и змеи, ядовитым хвостом и отравленным жалом, и пастью ему угрожая.

Замер тут Юсуп-бек и такие слова произнес:

В степях таясь, укрылся ты;
Ты не божественного ль рода?
Драконом оградился ты;
Ты не божественного ль рода?

Ведь я к тебе, — к святыне, — шел,
К защитнику в пустыне шел!
Ты — змеев на меня навел!
Ты не божественного ль рода!

Ко мне послал драконов ты;
Моих возжаждал стонов ты;
Святой иль враг законов ты?
Ты не божественного ль рода?

Не пира повстречал Юсуп, —

Драконью пасть и львиный зуб.
Не дай мне превратиться в труп!
Ты не божественного ль рода?

После этого взор он смежил и в святилище
неком себя вдруг увидел. Святилище это
было гробницею мученика. Там сидели и пи-
ли шераб пресвятые чилтены и с ними Коус,
и Кияс, и Хидр, и Ильяс, во главе с Али.

Взял Юсупа за правую руку Али и шера-
ба ему пиалу дал испить и сказал поученье:

Не возносись, открыв лицо ветрам,
Вовек, дитя, не проявляй гордыни.
Дано свершиться всем твоим мечтам;
Вовек, дитя, не проявляй гордыни.

Будь скромн, — и защитой будем мы,
Тебя любить укажем людям мы,
А станешь горд, — тебя забудем мы;
Вовек, дитя, не проявляй гордыни.

Гордыня — душу человеку жжет,
Она как пъявка кровь его сосёт,
Она в огонь костяк его кладёт, —
Вовек, дитя, не проявляй гордыни.

Кто ждет хвалы, — терзается везде,
В ничтожествах нуждается везде;
Вся жизнь его ссыхается везде.

Вовек, дитя, не проявляй гордыни!

После этого правой рукой поддержал Юсуп-бека Али, Ахмед-бека же — левой, и с напутственным словом их отпустил.

Сели вновь на коней Юсуп-бек, Ахмед-бек и Ашир-бек, сердар, со своими джигитами, и воротились к источнику Сабзавар.

Глава вторая

Прибытие Юсупа и Ахмеда в Ургенч

Время пришло, и слава Юсупова имени достигла страны Ургенч.

Пять городов было в этой стране, и владел каждым городом хан свой особый. Старший из всех, падишах, Эрали-хан, Живой управлял. Звали другого Недир-султан; Мангышлаком он правил. Третий, Арал-хан, правителем был Шабата. Четвертого звали Ай-хан, и он управлял Газаватом. И, наконец, Елбарс-хан был повелителем Ханки.

Посоветовавшись, правители эти Ай-хана посланцем избрали и с ним послали подарки Юсупу. Добрался Ай-хан до ключа Сабзавар. Приветствовал Юсуп-бека с Ахмедом и, сев на ковёр, передал им подарки и Эрали-шаха посланье.

Вот что в посланьи том прочитал Юсуп-бек:

Видит каждый шаг их зоркий мой зрачок;
Беков, исфаганских удальцов, я жду.
Красоте их в жертву душу я обрек;
Беков, емрелийских молодцов, я жду.

Им я всенародно почести воздам,
Днём и ночью буду им служить я сам,
С ними разделю я царство пополам;
Бековичей славных, цвет бойцов, я жду.

Таково желанье хана Эрали:
Чтоб они по телу моему прошли;
Падишах я; краше нет моей земли;
К исфаганским бекам шлю я зов — и жду.

Возликовал тут Юсуп и сказал, подойдя.
Ахмед-беку:

— Прислал падишах нам подарки.

И песню пропел:

Душа — Ахмед, склони ко мне твой стан;
Бек беков, знай, подарки нам прислал;
Страны Хорезма праведный султан
Чистосердечный свой салам прислал.

Письмо прислал он, — пять печатей в нем;
Коней арабских десять под седлом;

Прислал халаты с золотым шитьем;
Клинок в алмазах по ножнам прислал

Коль милость бог кому нибудь пошлет,
Страдания нигде не встретит тот;
Владетелей Ургенча целый род
Нас приглашает и салам прислал.

Юсупу снова улыбнулись дни,
Вновь обещают счастье нам они;
Брат Ахмед-бек, дай мне совет; взгляни:
Ургенч послов за нами сам прислал.

Ахмед-бек отвечал:

— Посоветуйся прежде с народом. Халат,
по совету сшитый, коротким не будет.

Созвал Юсуп-бек через глашатаев весь свой
народ, десять тысяч кибиток, письмо Эрали-
надишаха народу всему показал, показал и
подарки и так изложил посланье:

Божья милость в жизни этой светит
неустанно мне;
Привезли из Дин-Хорезма вдруг письмо
султана мне;
Шлёт подарки, девять вьюков, он рукой
Ай-хана мне;
Шлёт халаты нам, алмазы дарит для
тюрбана мне.
Вот какая из Ургенча весть пришла
нежданно мне!

Нас зовёт султан на службу, нас к себе
зовёт султан;
Всем своим открытым сердцем нам сулит
почёт султан;
Нам к невиданному счастью открывает
ход султан;
Мне письмо с приветом нежным, с похвалами
шлет султан,
Пояс шлет из блях червонных румского
чекана мне!

„Будьте нам навек друзьями“ — он в
послании говорит;
„Мы без вас давно томимся в ожиданьи“ —
говорит;
„Не оставьте нашу просьбу без вниманья“ —
говорит;
Видеть вас в краю Ургенча — вот желанье“ —
говорит;
Шлёт коней он златоседлых из
Арабистана мне!

Но джигит тогда лишь может быть
решителен и прям,
Если он решенье примет, отзываясь всем
сердцам.
Стать друзьями — так навеки! Изменять —
позор и срам.

Я прошу больших и малых дать совет
свой мудрый нам.

Вот какая из Хорезма весть пришла
нежданно мне.

Сам Аллах простер к Юсупу счастья
светлого лучи:

Послан мне привет и кони, и халаты из парчи;
Не всегда в руке мы держим к сердцу

шахскому ключи,
Но пред волею народа гордость всякая —
молчи!

Вот какая из Хорезма весть пришла
нежданно мне!

И весь емрелийский народ, гордясь и ликуя, ответил:

— Мы рады в Ургенч перебраться. Тобою и братом твоим управляем, народ благоденствовать будет!

Тогда Юсуп-бек, одарив драгоценным халатом Ай-хана, сказал ему:

— Ты возвращайся пока, а неделю спустя мы прибудем.

Ай-хан, одолев длинный путь, к Эрали-падишаху явился.

— Ну что, хороши емрелийцы-джигиты? — спросил Эрали.

И Ай-хан, восхваляя Юсупа, пропел:

Сын славного, царевич емрели, —
С Хатамом он по щедрости сроднится;
Учитель он всех смельчаков земли,
По доблести с Рустемом он сравнится.

Он — точно шах, кому подвластен мир;
Дэв-семиглав — сердар его, Ашир;
Как румский кесарь он — война иль мир;
А справедлив — Омар пред ним затмится.

В нём каждая повадка дорога;
Всегда готов он поразить врага;
Он говорит — как сыплет жемчуга:
Аббас его уменью подивится.

Его джигиты золотом горят;
Рустем и тот бы в бой водить их рад;
Но бедным каждый — верный друг и брат;
В них лучшее, что ждал ты, воплотится.

Два бека, каждый каждому подстать!
Бог даровал свою им благодать!
Ай-хан их видел и пришел сказать,
Что лев в одном и тигр в другом таится!

После этого хан Эрали две кибитки гостям
приготовил почетных, украшенных золотом.

Через неделю Юсуп-бек, Ахмед-бек, Ашир-
бек, сердар, и отборнейших сорок джигитов
прибыли, лихо гарцуя.

Хан Эрали, в окруженьи почетнейших беков, гостей посетил в их кибитках, воздав им различные почести, после к себе их привел он и, за руку взяв Юсуп-бека, на трон его свой усадить пожелал и песню пропел:

Добро пожаловать, приди, дорогой!
Тебе я свой венец отдам, Юсуп-джан!
Целую голову твою, будь со мной,
Хозяин стань моим стадам, Юсуп-джан!

Поставив столько удальцов в стройный ряд,
Чьи лица сладостнее роз нежат взгляд,
Дай им охотиться на птиц, где хотят,
Стрелой бей по соколам, Юсуп-джан.

Да будет в дар тебе душа отдана;
Тебе назначен мой престол и страна;
Тебе, джейран, моя любовь — вся сполна;
Пусть бог тебя введет в свой храм Юсуп-джан.

Хан Эрали сказал: твой путь — это я;
Ты можешь мне ступить на грудь, — это я;
Кто молится „счастливым будь“? — это я!
Век проживи на страх врагам, Юсуп-джан!

У Эрали-падишаха красавица дочь возросла, стройна точно пальма, с нежнейшею кожею, с зернами родинок, сердце пьянящих. Звали ее пери Гюль-Хатиджа.

Эрали пожелал ее сделать женою Юсупа и свадьбу назначил.

Юсуп, обратясь к Ашир-беку, сердару, веля ему всё приготовить для брачного пира, песню пропел:

Вьюк золота бери, мой Ашир-бек,
И самый пышный в мире той готовь;
Шестьсот верблюдов пусть везут чельпек,
И сорок чанов с катламой готовь.

Парчу по всем дорогам положи,
Чтить молодую пери прикажи;
Чтоб освежить лицо Гюль-Хатиджи,
Сосуды с розовой водой готовь.

Пусть хмель царит у всех людей в уме;
Пусть удалцы свершают ок-косме;
Пусть шали будут в золотой тесьме:
Веселье всем на свадьбе той готовь.

Юсуп сказал: чтоб двери слов открыть,
Чтоб стан любимой с нежностью обвить,
С Гюль-Хатиджой чтобы шераб испить, —
Шераб тот в чаше золотой готовь!

Это все Ашир-бек в один час приготовил.
На белой верблюдице был водружен паланкин и Ахмед, и Ашир, и джигиты отправились все ко дворцу Эрали-падишаха — невесту везти к жениху.

Усадил Эрали всех на подстилку из войлока девяти-слоёного и дважды-девять им блюд угощенья поставил в течение часа.

Затем пятьдесят нагрузили верблюдов и шестьдесят верблюдиц приданным Гюль-Хатиджи, сорок мулов навьючили золотом, Гюль-Хатиджу в паланкин посадили и, триста шестьдесят юных рабынь к ней приставя, отправили ее к жениху.

Приехав, Ахмед-бек и джигиты, с верблюдицы белой спустив паланкин, Хатиджу передали рабыням. Рабыни её, приподняв, на пуховик опустили девятислойный в свадебной белой кибитке. В кибитке той кончики жердей окованы были все сплошь серебром; был серебрянной нитью скреплен её остов; порог был из золота, цепи же все и запоры из серебра, а дверная коробка из лучшей арчи.

Как червонец в песок, Хатиджа в пуховик погрузилась.

Юсуп бек, девять чаш, полных сахара крупного, девяти поручив рабыням, других девять чаш, полных сахаром мелким, еще девяти рабыням вручив, их повел — восемнадцать — к невесте своей.

К ней придя, он приветствовал Гюль-Хатиджу и так её обнял, что хрустнули кости. Потом, на неё поглядев, он из губ её взял поцелуй и, уже опьянённый, безвольный, любуясь её красотой, песню пропел:

Ты стройней и красивей речной сона,
Все движения радость дарят твои;
Ночью Кадра священной ты рождена,
Потому и уста говорят твои.

Ты прекрасна, ты вся как волшебный сон;
Зубы жемчугом блещут, и рот — бутон;
Улыбнёшься, и блеском мир озарён;
Точки родинок сердца пьянят твои.

От красавицы юной хмелён джигит;
Всё в ней радость и счастье сердцу сулит.
Пред тобой кипарис горбат и самшит;
Руки нежные трогать я рад твои.

Как вино твои губы, слова — коран;
Кто услышит твой голос — от страсти пьян;
Точно лилия гибок твой стройный стан,
И уста точно алый гранат твои.

Юсуп-бек говорит: чтоб ты каждый час
Вся играла и пела как звучный сааз,
Бровь сурьмой подведи, оттеняя глаз, —
И глаза точно жар заблестят твои!

Оставим пока Юсуп-бека наедине с пери его,
Гюль-Хатиджой.

Хан Эрали поставил Юсупа беком страны

Хорезмии. Бекство над городом Хазараспом вручил он Ахмеду. У Недира-султана дочь была Адина, и её обручили с Ахмедом.

Юсуп-бек себе пиром избрал Алау-ходжу, ишана. Ахмед-бек в исповедники взял Шейхи-Шерепа, ишана.

После этого слава Юсупа и слава Ахмеда распространилась по миру всему, по вселенной, с Востока до Запада, и долетела до трона небесного.

Здесь остановимся мы.

Что вам слушать теперь?

Слушайте о падишахе страны, называемой Миср.

Была страна Миср. В той далекой стране о Юсупе прослышали и об Ахмеде.

Был в той стране падишах. Гозель-шах его звали. Идолам он поклонялся. При нем состояло триста шестьдесят полководцев.

Сон Гозель-шаху однажды приснился.

Снилось ему, что он, из сокровищницы своей вышел, неся на голове чашу с золотом и пошел вдоль по улице. Вдруг с двух сторон, с оглушительным рёвом, два льва появились. Кинулись львы на него и вцепились лапами в плечи. Свалился тут шах, с головы покати-лась, рассыпавши золото на землю чаша, обнажилась его голова, и изо рта вылетела черная птица.

В ужасе шах закричал и от крика проснулся

Созвал он старейшин, судей и вельмож, и свой сон рассказал им. Но никто не отважился растолковать этот сон; все молчали.

Выступил тут один сарайбан и сказал:

— Эй, султан мой! В моём караван-сарае остановился глава каравана, прибывшего из Чин-Мачина. Этот китаец с собой трех верблюдов пригнал, навьюченных книгами. Он мусульманин, он мудрости всякой обучен и человек он почтенный. Зовут его Баба-Камбар. Думаю я, что он может твой сон объяснить.

Гозель-шах повелел привести к нему Баба-Камбара, и ясаулы с почетом его привели. Усадил Гозель-шах старика на свой трон, сам же, стоя у трона, песню пропел о своем сневиденьи.

Баба-Камбар, восседая на троне, взял четки свои, отсчитал по сто зёрен тридцать три раза и песнею сон объяснил Гозель-шаху:

О, Гозель-шах, я истолкую сон.
Значенье сна — Юсуп твой трон займёт.
Все взвесил я и твердо убеждён:
Значенье сна — Юсуп твой трон займёт.

Два дивных льва — Юсуп и с ним Ахмед,
О, шах езидов, знай, сомненья нет:
Твой сон тебе сулит без счету бед;
Значенье сна — Юсуп твой трон займёт.

Та чаша с золотом — твоя казна;
На землю кровь твоя текла, красна;
Вспорхнувший вран — твой дух, чья суть черна
Значенье сна — Юсуп твой трон займет.

Но что, мой шах, румянец твой поблек?
От божьих книг ты, вижу я, далек;
Я — дед Камбар; мне Мухаммед пророк.
Значенье сна — Юсуп твой трон займет.

Разгневался тут Гозель-шах и велел посадить Камбара в темницу. Ясаулы стащили Камбара за бороду с трона, дали ему восемь раз кулаком по затылку и отвели его в стан Хемзе-кызылбаша, тюремщика, и тот бросил в темницу его.

После этого через глашатаев всем объявил Гозель-шах;

— Кто приведет мне Юсупа с Ахмедом, тому я полцарства отдам и одиннадцать тайных сокровищниц, и дочь мою в жены.

И песню пропел:

Тому полцарства моего отдам,
Кто в плен возьмет Юсупа и Ахмеда;
С тем разделю казну я пополам,
Кто в плен возьмет Юсупа и Ахмеда.

Я всенародный дам тому почет
И золото, и музыку, и мед,

И дочь мою, и с ней рабынь пятьсот, —
Кто в плен возьмёт Юсупа и Ахмеда.

Сереброкудых девять дам рабов,
Золотосѣдых девять скакунов,
Дам золота тому для кулпаков,
Кто в плен возьмёт Юсупа и Ахмеда.

Всем наградит отважного Гозель,
Когда его осуществится цель;
Тому я трон доверю и постель,
Кто в плен возьмёт Юсупа и Ахмеда!

Однако, никто на призыв не откликнулся,
не пожелал за такое дело приняться.

Вдруг поднялся из угла один коварный
пройдоха, с ледяными губами, с синими гла-
зами, с лицом человека, сосавшего яд, и
склонился пред шахом в глубоком поклоне.

Звали его Мурзаммед.

Был он куплен одним мыловаром на мыль-
ном базаре за два пятака с половиной.

— Я выполню волю твою, падишах, — ска-
зал негодяй тот, я поеду к Юсупу с Ахме-
дом, прикинусь, что очень обижен тобою, и
буду служить им год или два. Войду к ним в
доверие, тайны все выведаю и потом возвра-
щусь, а затем, если Лат мне поможет, вер-
нусь к ним и, хитростью в плен их забрав,
к тебе приведу.

Гозель-шах понял замысел Мурзаммеда и с ним согласился:

— Делай, как знаешь, — сказал он.

В конюшнях его был скакун Ветроног, что в три дня покрывал месячный путь. И коня этого дал падишах Мурзаммеду.

Сел Мурзаммед на коня, кольчугу надел, щит навесил и в путь поскакал.

Глава третья

Пленение Юсупа и Ахмеда

Семимесячный путь пролегал меж Ургенчем и Мисром. Семь гор на пути том стояло. В три недели покрыл Мурзаммед семимесячный путь и, к Юсупу с Ахмедом явившись, приветствовал их:

— Да возвысится ваша держава!

Юсуп обратился к нему и спросил:

— Куда и откуда ты держишь свой путь?

— О, Юсуп-бек! Я еду из царства Миср, где я был казначеем у шаха Гозеля. Гозель-шах сон увидел однажды, его испугавший. Созвал толкователей он, но никто не сумел разгадать сновиденье. У Гозель-шаха триста семьдесят было вельмож, полководцев, придворных; сказал он им: „если мой сон разгадать вы не сможете, всех вас казнию!“ — Так разгневан был шах! И вельможи бежали. Кто

спасся, а кто не успел и погиб. Ну, и мне удалось убежать, и у вас я защиты прошу для моей головы.

Мурзаммед тут заплакал.

Юсуп, тот рассказ услышав, повелел Мурзаммеду принять мусульманство. Притворщик святую молитву прочел богохульно и принял для вида ислам. А Юсуп благородный с приветом к нему обратился, коня подарил и халат, и оружие и сделал лукавца нукером своим.

А теперь я рассказ поведу о Бозоглан-хане.

Громкая слава Юсупа и брата его дошла до страны Исфаган. Бозоглан говорит: „Посмотреть бы своих мне племянников, нэру подобных!“ Поручает он трон своей вельможам, а сам с двухтысячным войском, в Ургенч направляет стопы. Горы преодолев, наконец достигают они Ургенча. И возрадовался Бозоглан, увидав Юсупа с Ахмедом.

Беки оба с приветом навстречу пошли благородному дяде; он их обнял, сел и приветствовал их:

— Да возвысится ваша держава!

Юсуп обратился к почтенному дяде:

— Добро пожаловать к нам, — так сказал он и песню пропел:

Под наш гостеприимный кров
Добро пожаловать, родной!

Любуясь на моих бойцов,
Добро пожаловать, родной!

Всё показать я вам готов!
Взгляните на моих волков,
На соколов, на беркутов;
Добро пожаловать, родной!

Здесь в розах рдеет каждый куст;
Здесь соловьи, — мой сад не пуст;
Здесь много сладких-сладких уст;
Добро пожаловать, родной!

Юсупу дядя всех родней;
Перо он на чалме моей;
Его молитвы нет святей!
Добро пожаловать, родной!

Тут явился сердар Ашир-бек с сорока своими джигитами и приветствовал Бозоглан-хана. Находился меж теми джигитами и Мурзаммед. Увидал Бозоглан Мурзаммеда и дрожь отвращения почувствовал, ибо тот мерзок был видом: высокий, худой, тусклолицый и весь деревянный как будто, — столь кости его были тонкими. Хан Бозоглан Юсуп-беку сказал:

— Убей негодяя, — и песню пропел, а Юсуп отвечал ему слово за словом:

Бозоглан:

Взгляни Юсуп, вот на того раба:
Его лукавит взгляд,—убей его!
Молю тебя; тебе грозит судьба;
Глаза его пестрят,—убей его!

Юсуп:

Джигиту молодущим быть — позор!
Я мужествен, я не убью раба.
Шахимердан мне свой покров простер;
Я мужествен, я не убью раба.

Бозоглан:

Он пестроглаз, лицо его как мел;
Лазутчик, — он втереться к вам сумел;
Предаст он вас, — таков его удел;
Тебе несёт он яд, — убей его!

Юсуп:

В день битвы он идет отважно в бой;
Бровь приподняв, он взор вперяет свой;
На скакуне он вдаль летит со мной;
Я мужествен, я не убью раба.

Бозоглан:

Он как змея облизывает рот;
Он тайны знает все наперечёт;
Бровями он насмешку выдает;
Жалеть не надо: гад! Убей его!

Юсуп:

Отважному нет дела до измен:
Он — годы беззаботен и блажен;
Не может раб богатыря взять в плен.
Я мужествен, я не убью раба.

Бозоглан:

Он хитростью тебя околдовал,
Он день и ночь то льстил тебе, то лгал;
Служить он Гозель-хану обещал;
Глаза его пестрят, — убей его!

Юсуп:

Я, внемя вам, своим путем пойду;
Храбрец любую отразит беду;
Раба я в диванбеки возведу;
Я мужествен, я не убью раба.

Бозоглан:

Рабу поверить — не видать добра:
От меди не дожждаться серебра;
Кто обманул, тому предать пора;
Жалеть не надо: гад! Убей его!

Юсуп:

Коль я раба как комара убью
То этим душу загрязню свою;
Нет, дядя, чести я не отдаю!
Я мужествен, я не убью раба.

Бозоглан:

Он — раб, гяур, а шах его — тиран.
Казни его, чтоб не попасть в аркан.
Добра тебе желает Бозоглан:
Вам он готовит яд,— убей его!

Юсуп:

Юсуп спокоен, в нём тревоги нет;
Меня мой не покинет Мурзаммед;
Я, дядя, вырос; что мне ваш совет?
Я мужествен, я не убью раба!

Итак, не одобрил Юсуп Бозоглановых слов, отклонил он совет Бозоглана и, полный надменности, песню пропел:

Вселенную заполнил слух обо мне;
Кто в мире мне подобным львом может быть?
Могу владыкой стать в любой я стране;
Я всё возьму! Сомненье в том — может быть?

К отважному всегда идут друг и враг;
Напрасной крови не по мне грязный знак;
Твои слова для трусов лишь и бродяг;
И разве мужу раб врагом может быть?

Прибыв ко мне, в мою вошел он семью;
Его я, будь он даже враг, не убью;
Убив раба, я б утерял честь мою.
Иль не повит я звезд лучом, может быть?

Пришедшему ко мне всегда есть приют;
Напасти на меня нигде не спадут;
Видали добрых вы и злых, там и тут, —
И мне ль не слыть богатырем, может быть?

Мне с детства был уже знаком бранный стан,
И кызылбашам страшен мой ятаган;
И разве не смогли б мы взять Исфаган —
Юсуи с Ахмедом, — хоть вдвоём, может быть?

Эта песня затронула сердце Бозоглан-хана.

— Юсуп-джан! Будешь ты сожалеть, став
невольником, в руки врага угодив! Да, тогда
ты раскаешься, скажешь тогда: „Почему я
слов дяди не слушал?“ Но будет уж поздно!

Так сказал он и, полный обиды, поехал
назад в Исфаган.

Много дней протекло с той поры, и одна-
жды, минуту удобную выбрав, пришел Мур-
заммед со слезами к Юсупу.

— Эй, Мурзаммед-джан, о чем ты горю-
ешь? — спросил Юсуп-бек.

— Сон мне привиделся ночью: владенья
мои, дом родной и дети мои, и жена. Отго-
го я и плачу. Пришёл я просить у тебя поз-
воленья на родину съездить, жену и детей
повидать и пригнать к тебе мулов, гружен-
ных сокровищами из казны падишаха, — ска-
зал Мурзаммед. Я был встарину у него казна-

чеем; вернувшись, я в бегстве раскаюсь
• моём; мне поверив, он снова казну мне поручит. Семью повидав, я вырвусь из крепости шахской, и сорок навьюченных золотом мулов к тебе пригоню. Ты со мной поежай, — погулять, поохотиться, там, на горах на Эсгерских.

Юсуп и Ахмёд согласились, поверив лазутчику низкому, и, с сорока удалыми джигитами, выехали на охоту. Через некое время Арча-Булака достигли они, в Эсгерских горах. Мурзаммед их оставил и дальше один, с разрешения их, на коне ветроногом помчался, хлеща его плетью по крупу, и вскоре явился к шаху Гозелю.

Спросил Гозель-шах:

— Эй, Мурзаммед, что тебе удалось совершить?

Мурзаммед отвечал ему песней:

Врагов я, — слушай, Гозель-шах, —
Завёл на эсгердагский скат;
На Арчбулакских высотах
Все собраны, и стар, и млад.

Служа тебе изо всех сил,
Я головою камень бил;
Я братьев золотом взманил, —
И золотой им снится клад.

Джигитов дай; пускай, бела,
На жёлтый ляжет лук стрела,
И пусть они как сокола
На вражий лагерь налетят.

И сорок тысяч войск пошли,
Чтобы вослед за мною шли;
В засаде им сидеть вели,
На всё кидая зоркий взгляд.

Я обещаю, Мурзаммед,
Лететь в степях путем побед,
И пусть войска — небесный свет
Своими стягами затмят!

И сказал Гозель-шах:

— Эй, Мурзаммед джан, да будут к тебе
благосклонны и Лат, и Минат. Поезжай, де-
лай, все что задумал.

После этого, выбрав из тысячи каждой бой-
цов одного лишь джигита, их всех снаря-
дили щитами, кольчугами, желтыми луками,
стрелами и поясами и, пушек отменнейших
девять придав, отправили в путь с Мурзам-
медом. За ними и сам Гозель-шах отпра-
вился в путь, сорок тысяч ведя превосход-
ного войска

Мурзаммед, днем и ночью гоня своего ино-
ходца, подобного ветру, пятимесячный путь
в девять дней одолел. Он джигитов своих—

сорок душ — незаметно в ущельи укрыл
Эгриарском, и войску, вдущему вслед, пере-
дал чрез гонца, чтоб оно пред тесниною
Соли-Дербент охватило дорогу, — и этот при-
каз был исполнен.

Теперь — о Юсупе послушайте.

Был Юсуп-бек создан алпом; он по сорок
дней и ночей проводил, зорких глаз не смы-
кая; но зато, коль уснет, то три дня и три
ночи подряд спит беспробудно. Как раз в
эту пору пришлось ему спать. Мурзаммед
рассчитал это время. Пока Юсуп-бек спал в
палатке своей, Ахмед-бек и Ашир-бек, сер-
дар, со своими джигитами пьянствовали и
валялись беспомощными на земле. Мурзам-
мед, проскользнув к Юсуп-беку в палатку,
стал руки ему растирать, расточая хвалебные
речи. Проснулся Юсуп, встал стремительно
с ложа и Мурзаммеда спросил:

— Мурзаммед! где тобой привезенное зо-
лото?

И Мурзаммед отвечал ему песней:

Слушай слово моё, Юсуп-бек;
Знай: я золота выюки привёз;
Все мы золота жаждем весь век, —
Я тебе его в руки привёз.

Сорок мулов в далине Эгри
Меж тюльпанов стоят, — посмотри;

Мчался я от зари до зари
И дары из разлуки привёз.

Десять мулов, устав, прилегли;
Тридцать мулов отбились, ушли;
Разбудил меня пир твой, — внемли:
Я речей его звуки привёз.

Юсуп-бек, подымайся, пойдём;
Мы сумеем загнать их вдвоем;
Мурзаммед — клад ближайшим путем,
Хоть кривым точно луки, привёз.

Юсуп-бек отвечал:

— Что ж, разбудим джигитов и двинемся.
Но Мурзаммед возразил:

Юсуп-бек! Я служу не джигитам твоим, а тебе и Ахмеду. Люди жадны до золота, и ты джигитов, пажалуй, погубиш.

Юсуп-бек согласившись, Ахмеда велел разбудить и коней оседлать.

— А зачем их седлать? — возразил Мурзаммед, — и без седел мы сядем на них и помчимся.

И сели они на коней неоседланных, лишь чепраками покрытых. Повёл Мурзаммед Юсуп-бека с Ахмедом к долине Эгри. В котловине лежавшие сорок сильнейших джигитов пустили коней своих, слева и справа по двадцати налетели. Связали Юсупу они и Ах-

меду руки и ноги и прочь поскакали, везя свои жертвы. Юсупа вязал Мурзаммед, и Юсуп, подумав: „Быть может, смутится предатель?“, глядел на него с возмущеньем, но тот лишь насмешкой ответил:

— Юсуп, дорогой мой! Прошло то прекрасное время, когда ты меня подлецом длинноносом ругал и грозил мне, пугая.

И плетью своей он раз пятьдесят Юсупбека ударил по темени, голову всю окровавив.

Юсуп, поглядев на езидов, сказал:

— Что ж, вы взяли нас хитростью. Но отпустите меня, и сразимся в открытом бою; я один против всех, безоружным я буду, а вы оставайтесь при саблях.

И песню пропел он:

Езиды! Нас коварством взяли вы,
Но развяжите нас, а там — любуйтесь.
На двое; сорок сабель сжали вы,
Но развяжите нас, а там — любуйтесь.

Сгубили алчность нас и Мурзаммед;
Мы связаны, — нет в мире горших бед;
Вы с ружьями, у нас и палки нет,
Но развяжите нас, а там — любуйтесь.

Все разом выньте сабли из ножен;
Трубите в трубы; с четырех сторон

Пусть буду я бойцами окружён,
Но развяжите нас, а там — любуйтесь.

Заносчивость была мой чёрный рок;
Сгубил осенний ветер мой цветок;
Но, чтобы я с судьбой поспорить мог,
Вы развяжите нас, а там — любуйтесь.

Езидам правду говорит Юсуп;
Волкам Хорезма вы спилили зуб;
Но седла прочь, откройте конский круп
И развяжите нас, а там — любуйтесь!

Но езиды, смеясь: „Где найдешь ты глупца,
чтоб тебя развязал?“ — плетью стали хлестать
своих пленников

Ахмед не очнулся вполне от попойки и
даже не знал, что ведут его пленным. Но вот,
открывает глаза он и видит, что он и Юсуп,
старший брат его, — связаны.

— Эй, Юсуп-бек, — закричал он, — какой со-
вершили мы грех, что Ашир-бек, сердар, нас
ведёт полоненными?

Тут Юсуп-бек, поглядев на Ахмеда и спи-
ну ему свою показав, отвечал:

— Эй, Ахмед-джан, очнись, погляди. Ашир-
бек, наш сердар, остался далеко.

И песню пропел он:

О, Ахмед! Где мой край, — сады

Хорезмина? Я их утратил.
Я в плену, я жертва беды;
Я с народом родных утратил.

Где мой лев, мой сердар Ашир,
Изумлявший верностью мир?
Без него я беден и сир:
Я вождя удалых утратил.

Где бойцов моих смелый строй,
Где охотников быстрый рой,
Пробивавших горы стрелой?
Я джигитов лихих утратил.

Я с тоскою на мир гляжу,
Без молитв я в мире хожу,
Пира я, Алау-ходжу,
Что святее святых утратил.

И с народом я разлучён;
Край мой — стал сиротою он;
Я сестру, чей прощальный стон
И доселе не стих, утратил.

Я Юсуп как в бреду хожу,
Боль моя подобна ножу:
Я подругу Гуль-Хатиджу,
С блеском глаз огневых утратил.

Отрезвел Ахмед-бек и увидя себя полонённым, заплакал.

Сказал тут Юсуп:

— Ахмед-джан! Все по божьей свершается воле; не надо людей обвинять. Коль не будет веления божьего, то эти люди убить не посмеют нас, и, претерпев униженья и муки, мы снова свободными станем, и это всё будет казаться нам вовсе небывшим.

Так утешал он Ахмеда, и шли они мужественно. Вдруг видит Юсуп, что орда в сорок тысяч бойцов, разделяясь на две части в долине, с отчаянным гиканьем ринулась к ним. Тут Юсуп, видя этих неверных, роптать стал на бога и песню пропел:

За что мне, господи такой позор?
Я связанным попал гяуру в руки.
Должно быть, грех мой больше Кайских гор,
Коль небо обрекло меня на муки.

Не знаю, почему мой чёрный рок
Быть у рабов меня рабом обрѣк;
Пленен, иду чрез горы и песок,—
И печень мне пронзает нож разлуки.

Побит осенней стужей ранний цвет;
Где нищий гроб мой примет жертву бед?
Что мой сердар, мои джигиты вслед
За мной не мчатся, напягая луки?

Вокруг меня туман: стоит орда;
Пути Юсупу нету никуда;
Он должен гибнуть в юные года;
Какой позор! Рабам попал я в руки!

Свой путь продолжали они.

А теперь послушайте об Ашир-беке, сер-
даре.

Ашир-бек, со своими джигитами водкой
упившись, лежал без сознания. Вдруг он оч-
нулся и видит, что нету Юсупа и нету Ах-
меда. Взглянул он: где кони? Но нет и ко-
пей. Быстро встал он и братьев пустился ис-
кать по следам. И когда он пробрался в до-
лину Эгри, то весьма удивился, увидев там
множество конских следов. Он помчался об-
ратно, джигитов своих разбудил и песню
пропел им:

Езид собрал несметную орду.
Вставайте все! На выручку к Юсупу!
На ханов наших бог наслал беду.
Вставайте все! На выручку к Юсупу!

Нам на охоте мало повезло;
Держать ответ нам будет тяжело,
Когда вернёмся. Поскорей седло!
Вставайте все! На выручку к Юсупу!

Врагу слезы да не покажет он,

Тоскою сердце да не свяжет он,
„Джигиты—трусы“ да не скажет он;
Вставайте все! На выручку к Юсупу!

Мы недруга от друга отличим;
Как волки на врагов мы полетим;
Будь каждый точно вихрь неукротим!
Вставайте все! На выручку к Юсупу!

Вас честью закликает Ашир-бек;
С несчастьем должен биться человек,
Не то ему позор и срам навек!
Вставайте все! На выручку к Юсупу!

И джигиты, утрату свою осознав, Юсуп-бека с Ахмедом лишившись, разлукой терзаемы, гневом палимы, коней оседлали. Надев на себя булавы и колчаны навесив, и копыя приладив, по следу помчались они за врагами вдогонку, и скоро настигли врага. Тут Ашир-бек, джигитов воодушевляя, им песню пропел:

Бойцы, самой войны сыны!
Покажем мы себя сегодня!
Коль наши беки пленены,
Для нас печальный день сегодня.

Аллах—вот наш надежный щит,
И кровью плачет пусть езид!

Герой иль мученик—джигит,
Коль судный день настал сегодня.

На нас обрушилась беда,
Краснеют горы от стыда;
Так пусть почувствует орда,
Как сабли празднуют сегодня!

Так на гяура—во весь мах!
Пусть кровь дымится на горах!
За наших беков—трупы в прах
Везде пусть валяются сегодня!

Оставя беков под ярмом,
Мы не расстанемся с клеймом!
Так поспешим и в бой пойдем,
Езидов кровь прольем сегодня!

Ашир-сердар взывает к вам:
Покажем Страшный суд врагам!
Юсуповым богатырям—
Душою жертвовать сегодня!

И джигиты развернутым строем помчались
вперёд за Аширом, все разом ударив на
войско езидов. Как волки, что в стадо вор-
вались, рубили они и кололи презренных
и жирных врагов, побледнеть их заставили,
ехавших с краю загнали в серёдку и страш-
ное им нанесли поражение. Ашир, наслаж-

даясь воинственным зрелищем, вихрем носился; везде он был виден, и слышали все его песню:

О, беки Хорезма! Сквозь прах
Летите налево, направо!
На быстрокопытных конях
Скачите налево, направо!

Чрез горы Хасар проскочив,
В гяуров отчаянье влив,
Их трупы горам поручив,
Гоните налево, направо!

Пусть битва Рустема гремит,
Пусть кровью зальётся езид,
Пусть он о пощаде вопит,—
Рубите налево, направо!

Пусть кровь точно силь потечет!
Как неры летите вперед;
Как беркуты яростный лёт
Стремите налево, направо!

Ашир вашу доблесть постиг;
Рустемов уж слышится клик!
Чтоб недруг в геену поник,—
Разите налево, направо!

Тридцать дней и ночей непрерывно шла

битва. Долины Пеше все завалены трупами были, и крови потоки струились и брызгали из-под копыт и окрасили горные склоны и скалы.

Но в этой неслыханной битве сердар Ашир-бек, замешавшийся в самую гущу врагов, получил двадцать восемь кровавых ранений, Глаза у него помутнели, он вдруг ослабел и копыё уронил, и, на шею коня припадая, за гриву хватаясь, песню припел:

Ко мне, мои джигиты! Поскорей!
Богатыри! Поднять меня спешите!
Мой серый конь от крови ал моей.
Богатыри! Поднять меня спешите!

Аллах не внял мне в этот страшный миг,
Не то бы я без силы не поник,
Увы! Я цели в битве не достиг.
Богатыри! Поднять меня спешите!

Кровь Ашир-бека серому подстать.
Юсупов хлеб нам, видно, жаль бросать, —
Но душам трусов суждено блуждать!
Богатыри! Поднять меня спешите!

Услышав слова Ашир-бека, джигиты помчались к нему, за узду придержали коня, подхватили сердара и с поля его увели, Юсуп-бек, увидав, что сердару Аширу приходится плохо, спросил:

— Льву подобный сердар мой Ашир, что с тобой?—и песню пропел:

Не знаю, что произошло с тобой.
К тебе, герой, лечу душою я.
Да сохранит тебя создатель мой!
К тебе, герой, лечу душою я.

Как, связанный, тебе помочь я мог?
Но над бойцом да сжалится пророк!
Кровь на тебе—гранатовый цветок.
К тебе, герой, лечу душою я.

Джигиты, в бой! Ударами клинков
Разите у езидов—вожаков!
Будь трупами завален каждый ров!
К тебе, герой, лечу душою я!

Увы! Сгубил честь Юсуп-бека рок,
И кровь моя струится как поток.
Тебе, Ашир, отдать я душу мог,—
К тебе, герой, лечу душою я!

Ашир-бек, услышав эту песню, обратился к джигитам:

— Возьмите за повод коня и меня поддержите в седле.

Поддержали джигиты его, и Ашир, к Юсуп-беку лицом обратившись, пропел ему песню.

Не плачь, не плачь, тоскуя обо мне!
Смерть лучше жизни без тебя, султан мой.
И не сжигай мне печень на огне,
Бесплодно обо мне скорбя, султан мой!

Твоя в Ургенче кровью плачет мать;
Твоей жене в разлуке злой пылать;
И, если здесь я должен жизнь отдать, —
Смерть лучше жизни без тебя, султан мой!

И без тебя нет мне других забот;
Разлуки яд мне сердце не сожжет:
Ашир вовек отсюда не уйдет,
Тебя в самом гробу любя, султан мой!

И джигиты, поддерживая Ашир-бека, заботливо с поля его увели, осторожно раздели, ссадили с седла и, омыв двадцать восемь зияющих ран его, перевязали. Затем вновь одели его и кольчугу надели, и, к поясу саблю привесив, закинули за спину щит. И Ашир-бек, сердар, на копье опираясь, джигитов своих возглавляя, лицом обратился к езидам и песню пропел, умоляя святого Али о защите и помощи.

После этого стали джигиты подобны львам, что хвостами от ярости хлещут. Напали они на езидов, рубили их точно овец и погнали их перед собой, истребляя. Валились враги как солома в часы молотьбы. Вдруг навстре-

чу, от Мисра, идя, появилась огромная рать — тысяч тридцать и с гиканьем стала джигитов лихих окружать.

Ашир-бек, поглядев на джигитов своих, ободря их, песню пропел:

Джигиты! Риньтесь как гроза!
Толпой — туда, гурьбой — туда!
Езидам вырвите глаза!
Стрелой — туда, грозой — туда!

Вершины гор да скроет мгла;
Пощады нет исчадьям зла!
Топчи врага, руби с седла:
Конем — туда, клинком — туда!

Готовьтесь душу положить,
Халат на саван обменять,
Но десять каждому сразить;
Коли — туда, вали — туда!

Пусть кызылблши встретят ад
И поле кровью обагрят.
На этот бой да кинут взгляд
Грань гор — туда, простор — туда!

Пусть гор окрасятся зубцы:
У Ашир-бека — удальцы!
Вперёд, хорезмские бойцы!
Все вы — туда! Как львы — туда!

И, пропев эту песнь, Ашир-бек, на коне, на езидов пустился, ворвался в их строй, сбил и спутал его и отбил у врага скакунов, что Юсупу с Ахмедом принадлежали. Тридцать тысяч врагов окружили, однако, Ашира-сердара. Опустились бессильные руки его. Увидали джигиты Ашира в таком положеньи и ринулись вновь на врага, восклицая: „алла!“ Сеча стала такой, что потоками кровь полилась, точно волки на стадо напали, и трупы езидов снопами валялись. Бессильный лежал Ашир-бек, и джигиты решили вернуться. Ашир-бека как в зыбке меж двух привязали коней.

Тут Юсуп, увидав, что джигиты отходят, всё вспомнил: и солнце-народ свой, и милую сердцу сестру, и жену свою милую, Гюль-Хатиджу. Будто смерть ему стиснула ворот! Прощаясь с джигитами, песню пропел он:

Богатыри любимые мои!
Моей стране снесите мой привет!
Бойцы неукратимые мои,
Моей стране снесите мой привет!

Беда самонадеянным грозит;
Меня обрѣк на муки злой езид,—
И будет мать моя рыдать навзрыд.
Моей семье снесите мой привет!

Мне кровью слёз глаза заволокло;
Мой брат Ахмед со мною делит зло;
Рыдающей в разлуке тяжело
Моей сестре снесите мой привет!

И той, кого огонь разлуки жжет,
Кто змеи косы в лютой муке рвёт,
Кто лишь к подушке с упованьем льнёт,—
Моей жене снесите мой привет!

Мне не помочь теперь, увы ничем:
Став пленником, я свой влачу ярем.
Моим друзьям-охотникам и всем,
Кто близок мне, снесите мой привет.

„Погиб Юсуп“ — скажите всем друзьям;
Скажите: „Труп добычей стал пескам“;
Скажите: „Мозг стал пищею каргам“.
Моей стране снесите мой привет!

И джигиты, к Ургенчу свой взор обратив,
отправились в путь. А езиды, твердя облегчённо
„Спаслись от беды!“, разобрали палатки свои,
нагрузили слонов и верблюдов и сковав по
рукам и ногам Юсупа с Ахмедом, направи-
лись в сторону Мисра.

Теперь о супруге Юсупа, возлюблённой
Гюль-Хатидже, послушайте слово.

Гюль-Хатиджа, говоря: „Скоро бекам пора
возвратиться“, кибитку поставила белую, всё
прибрала и сидела, глядя на дорогу.

Несколько дней протекло, и однажды отряд верховых показался вдали. Хатиджа со своими служанками навстречу пошла, — и увидели все: это был Ашир-бек со своими джигитами. Конь Юсуп-бека, Мар-Гир, выступает бок-о-бок с конем Ахмед-бека; меж ними попона висит колыбелью, и в ней — Ашир-бек: Увидав Ашир-бека в таком положении, страдальчески вскрикнула Гюль-Хатиджа и пропела.

Рок жестокий беду принёс,
Счастье взял навеки, — боюсь я.
Под дыханьем бури у роз
Опустились веки, — боюсь я.

О, рабынь моих верных рой!
Распустите косы волной,
Содрогнитесь чистой душой:
Не вернулись беки, — боюсь я.

Вижу, доля моя горька:
Конь примчался без седока.
Кровью залиты сплошь бока;
Слёз прольем мы реки, — боюсь я.

Не уйти: догнала беда;
Не унять мне слёз никогда;
Вижу: кони скачут сюда,
Но исчезли беки, — боюсь я.

Я не вынесу этих мук!
Пощадите! Где милый друг?
Гибнет мир, всё темно вокруг,
И погибли беки, — боюсь я.

Где лежит любимого труп?
Смерть дыханье взяла от губ.
Кровью плач, Хатиджа! Юсуп
Не придет вовеки, — боюсь я.

Джигиты размеренным строем подъехали к ним, Ашир-бека сердара везя в середине. Жемчужные слёзы роняя из глаз, разметав по плечам ароматные волосы, Гюль-Хатиджа, поглядев на джигитов пропела:

Я днём и ночью плачу из-за него;
Коней сдержите, беки; где милый мой?
Вы с ним делили радость и торжество;
Коней сдержите, беки: где милый мой?

В дни счастья наслаждались с ним вместе вы,
Его подарки брали — знак чести, — вы.
Он — брошен! Иль забыли о мести вы?
Коней сдержите, беки: где милый мой?

Ах, для меня сегодня затмился свет!
Молю я о пощаде под гнётом бед;
В отчаяньи молю вас мне дать ответ;
Коней сдержите, беки: где милый мой?

Какой горы достиг он, каких пустынь?
Судьба меня повергла, и, сердце, — стынь
О проявите жалость к тоске рабынь,
Коней сдержите, беки: где милый мой!

Вопль Хатиджи несчастной внемлите вы?
Хоть слово утешенья скажите вы.
Горю в огне разлуки! молчите вы?
Коней сдержите, беки: где милый мой?

Услыхав эту жалобу Гюль-Хатиджи, Ашир-
бек о несчастьи, постигшим их, песню про-
пел:

Здесь я, с беком (если веришь этим ранам)
разлучась.
Я обуглен; что мне делать, с ним, желанным,
разлучась?
Как мне жить, как вынести муку, с милым
ханом разлучась?
С ним и с братом, что сняли нашим странам,
разлучась?
Стал я жемчуга бледнее, с лаллом рдянным
разлучась!

Мы в пустыне мук остались, кровью плача
от обид;
Нас в пустыню скорби кинул хитроумный
враг, езид;
Как Хусейн, в пустыне павший, я повергнут
и разбит;

Братом, спутником героя, стать открыто —
хорошо,
Но и знать мне, что навеки жизнь разбита, —
хорошо.
Плачь, Ашир! нукеры, плачьте, с ним —
султаном — разлучась!

Ашир-бек и джигиты проехали мимо.

А Гюль-Хатиджа разобрать приказала кибитки свои снежнобелые и, одежды султанские сняв, облеклась в одеяние черное сплошь, и, стеноя и плача, отправилась в путь.

В это время сестра Юсуп-бека, — Абадан её звали, — сидела у входа в кибитку свою и увидела вдруг: едут всадники. Джигиты подъехали ближе, и видит она, что ведёт их сердар Ашир-бек, и среди них ни Юсупа нет, ни Ахмеда. Абадан, ворот свой разорвав, распустив пряди кос, зарыдала, объятая тревогой, и девушкам песню пропела:

Вопль и рыданье принес нам коварный рок,
Косы терзайте: братьев там нет, сдается.
Братьев жалея, слёз я пролью поток.
Слёзы роняйте: братьев там нет, сдается.

Небом на суд мы Страшный обречены;
Братья насильно с душою разлучены;

Серые кони, вижу, от крови красны;
Плачьте, рыдайте: братьев там нет, сдается.

У Абадан тоскою залита грудь;
Ей с колыбели скорбный назначен путь;
Душу, что отлетела, ей не вернуть;
Скорбно стенайте: умерли братья, сдается.

Джигиты проехали мимо них.

К матери кинулась, к Лагли-Ханум, Абадан
и сказав:

— Не вернулись братья! — песню пропела:

Затмился для тебя сегодня свет;
Плачь мать моя, утратив свой цветник.
Сад жизни твой пал под ударом бед;
Плачь, мать моя, утратив свой цветник.

Где свет очей твоих, души покой?
Твоя опора? где ягненок твой?
Сааз небесный, жемчуг дорогой?
Плачь, мать моя, утратив свой цветник.

Глава страны, большой как Исфаган,
Он мертвым пал вглуби далеких стран;
На голове его без счёту ран;
Плачь, мать моя, утратив свой цветник.

У Абадан душа в огне горит;
Мой каждый вздох возносится в зенит;

Где мой Юсуп, где мой Ахмед лежит?
Плачь, мать моя, утратив свой цветник.

Услыхав песню дочери, Лагли ханум, утешая, сказала ей: — плакать не надо целы твои братья.

Абадан отвечала:

— Возможно, но трудно поверить.

И села на землю, рыдая.

Вдруг Гюль-Хатиджа появилась, вся в чёрном и черные косы развеяв. И тут зарыдала сама Лагли-ханум, видя невестку, одетую в траур. И все они трое — Лагли-ханум, Хатиджа, Абадан, — обнявшись, друг к другу прильнув плакали вместе:

Лагли-ханум:

Дитяти моего не слышу я;
Вернулись все, мой только сын исчез.
Не от него ли теплота твоя?
Вернулись все, мой только сын исчез.

Гюль-Хатиджа:

Тюльпан, расцветший средь ненастий, я;
За что терплю игру несчастий, я;
Растерзана тоской на части я!
Вернулись все, — мой властелин исчез.

Абадан:

Ты знала ли, куда его влечёт?
Мне не сказав, он выступил в поход;

В моей любви ужель он видел гнёт?
Вернулись все, лишь брат один исчез.

Лагли-ханум:

Была ли чаша смерти здесь полна?
Песка ль над ним сомкнулась пелена
Действительно ль судьба его черна?
Вернулись все, мой только сын исчез.

Гюль-Хатиджа:

Джигиты все вернулись в край родной
И, черный день сроднив с моей душой
Сказали мне: „В плену любимый твой“.
Вернулись все, — мой властелин исчез.

Абадан:

Мой стан — элиф горбатым пуном стал;
Беду нам эту рок предначертал;
Конь серый — весь от милой крови ал;
Вернулись все, лишь брат один исчез.

Лагли-ханум:

По воле неба беды к нам сошли;
Скорблю я: сына в рабство увели;
Увидит ли свое дитя Лагли?
Вернулись все, мой только сын исчез.

Гюль-Хатиджа:

Я, Хатиджа, потоки слез пролью;
Разлука сердце обрекла копьёю;

Вздохну, — и небо грудь пронзит мою.
Вернулись все, — мой властелин исчез.

Абадан:

Измучена страданием Абадан;
Мой брат — Хорезма доблестный султан;
Из-за него — без счёту в сердце ран.
Вернулись все, лишь брат один исчез.

Теперь мы оставим их.

Слушайте о Юсупе и об Ахмеде.

Юсупа с Ахмедом езида вели, подгоняя ударами плети. Так шли они тридцать дней. У Ахмеда распухли ступни, и он дальше идти был не в силах.

— Шагай, коль не хочешь, чтоб голову мы отрубили тебе и с собой унесли!

Так сказали езида и, жертву свою окружив, беспощадно осыпали градом ударов.

Ахмед поглядел на Юсупа и песню пропел:

Юсуп-ага! Что делают со мной!

В оковах шея, в сердце боль и гнев.

Вкруг нежных рук кольцо колодки злой;

Томлюсь в петле я, в сердце боль и гнев.

Я столько гор пятою истоптал,

Мой стан — элиф согнулся точно дал;

О камни ногти я пообивал;

В оковах шея, в сердце боль и гнев.

Из головы мой отлетает дух;
Колодка стерла кожу с нежных рук;
Встать не могу, став жертвой стольких мук;
Томлюсь в петле я, в сердце боль и гнев.

Нет мне защиты, — говорит Ахмед, —
И никого, кто пожалел бы, нет;
Ударов град мне раздробит хребет!
В оковах шея, в сердце боль и гнев!

Юсуп-бек, услышав эти вопли Ахмеда, пропел, обращаясь к езидам:

Язычники, терзающие нас!
Колодку прочь, коня подать Ахмеду!
Носы вам да отрежут в должный час!
Колодку прочь, коня подать Ахмеду!

Наезднику идти пешком — позор;
Он, связанный, прошел чрез цепи гор;
Он до кости о камни ноги стёр;
Колодку прочь, коня подать Ахмеду!

Мне горше горя, что страдает брат.
Всё пусть поггло, нет пути назад,
И пусть меня пешком ведут хоть в ад, —
Но узы прочь! Подать коня Ахмеду!

Еще он молод, будьте с ним добрей,
Пусть он припомнит радость прежних дней, —

Или меня убейте поскорей!
Колодку прочь, подать коня Ахмеду!

Таких несчастий,—говорит Юсуп,—
Такой беды не ведать никому б!
Он должен жить, отцову сердцу люб.
Колодку прочь, подать коня Ахмеду!

Услыхав это слово, езиды охваченные злобою,
стали камчѣю хлестать и Юсупа. Всѣ тело его
искривилось от боли, лицо его стало синей
селезенки, краснее чем хлопок, охваченный
пламенем. Видя, как мучают брата, Ахмед
утешать его стал и песню пропел:

Зовя на помощь светлого Али,
Не мешкая, ступай, султан Юсуп.
У трусов где бы жалость мы нашли?
Не мешкая, ступай, султан Юсуп.

Нам наша гордость нанесла удар;
Стал мир темницей; в сердце—углей жар;
Но не умрѣт до смерти и комар.
Не мешкая, ступай, султан Юсуп.

Оправился я, вновь идти могу;
Я слабости не выкажу врагу;
Окреп я, хоть семь лет я пробегу.
Не мешкая, ступай, султан Юсуп.

Еще мы погуляем в их стране,
Еще увидим их дома в огне;
Их шаха дочь рабыней станет мне.
Не мешкая, ступай, султан Юсуп.

Надежда у раба, у бога — свет.
Надменность наша — вот причина бед,
Но бог простит. Так говорит Ахмед.
Не мешкая, ступай, султан Юсуп!

Услышав эту песню, езиды сказали:
— Видать, что у младшего шея выносливее
чем у старшего. Ну пичего: им глаза выр-
вет сам Гозель-шах.

И опять своих пленников перед собою
погнали езиды.

Пять месяцев длился их путь, и достигли
они горы Хасар.

Проходя по ущелью, Юсуп, обр щаясь к го-
ре, на которой он често охотился, песню
пропел:

Рай прогулок, гора Хасар!
Труден путь средь лесов твоих.
Цветники твои как пожар.
Звонок свист соловьев твоих.

Из за гордости нам беда;
Как спасемся? где и когда?
Но как замок твоя гряда,

Сладок запах садов твоих.

В дни, когда, завершив судьбу,
Мир отдаст лежащих в гробу,—
Израфил, вострубя в трубу,
Не всколеблет хребтов твоих.

У тебя есть вершина Кап,
Чьи алмазы воспеть я слаб.*
С ней какая спорить могла б?
Нет прекраснее львов твоих.

Ты—царица меж прочих гор,
И Адама твой видел взор;
Ты для пиров святых шатер:
Зелен цвет бунчуков твоих.

О, сеиды! Мой голос груб;
Пусть я был надменен и глуп,
Но—спасите! Кличет Юсуп
Милосердных отцов твоих!

Четыре месяца и девять дней премелькнуло еще, и отряд приблизился к Мисру. Вблизи возвышалась гора Балэман, и дорога лежала чрез эту гору. Когда поднялись на нее,—из тумана блеснули минареты города Миср. К Гозель-шаху был послан гонец.

Гозель шах был обрадован очень известьем и щедро гонца одарил. А потом приказал палачам своим:

— Сведите захваченных на Регистан и убейте.

Презренные те палачи, в амулетах из высушенных носов и ушей человеческих, ликуя, крича, повели к Регистану несчастных.

Потащили езиды Юсупа с Ахмедом на площадь и с радостным криком на смерть обрekli, побивая камнями. Но камни никак ни в Юсупа попасть не могли, ни в Ахмеда: они поражали самих палачей всех и истребили.

Гонец поспешил к Гозель-шаху.

— О, шах вселенной, — сказал он ему, — человек тот, Юсуп, чародей несомненно. Он с братом несчастье навлек на рабов твоих. Камни, летевшие в братьев, обрушились все на бросавших.

Гозель-шах испугался.

Велел он свой трон посреди Регистана поставить и сам, во главе трехсот и шестидесяти вельмож, появился на площади и на троне воссел.

Палачи, окружив загадочных пленников, к шаху Гозелю их повели.

Юсуп сел близ трона спиной к Гозель-шаху и не глядел на него.

И сказал Гозель-шах:

— Эй, Юсуп-джан! расскажи мне, каков твой край, столь любимый тобою?

Юсуп описал свою родину, песню пропев:

Круглый год, узнай Гозель-шах,
Хорошо мой народ живет,
И плоды у него в садах
Наливаются круглый год.

Стариков мы покоим всех;
У джигитов — бранный доспех;
А у юных — песни и смех;
Им лишь радость им нет забот.

Коль о нас там промчится слух,
Наша рать к вам подступит вдруг;
Шесть батманов наш весит лук,
И стрела его в небо бьет.

Скакуны джигитов несут;
Гнев джигитов — как божий суд;
Вас ови что уток побьют,
Соколиный направля лёт.

Слушай, слушай, гяур Гозель:
Я вернусь еще, зная цель;
Исфаганский меч не тебе ль,
Лишь взмахну, лицо рассечет?

Расцветает у нас тюльпан;
Города — пестроцветный стан;
Заяц есть у нас и джейран,
Птицы есть среди пустынь и вод.

Там — гора Эскер, и на ней
Сплошь луга для серых коней,
Там джигиты травят зверей,
Потеряв сизым уткам счет.

Юсуп-бек обречен страдать,
К милосердию бога взывать, —
Но свободен будет опять,
Если пир молитву внесет!

Гозель-шах, разъярясь, повелел:

— Отвести их, Юсупа с Ахмедом, в темницу, поручить их Хемзе-кызылбашу! Пусть в темнице погибнут они! Кто им даст корку хлеба лишь или каплю воды, у того я содрать велю кожу от шеи до пят, я кишки у того через глотку вырву!..

Глава четвёртая

Юсуп и Ахмед в темнице

Теперь послушайте о Хемзе-кызылбаше. Он спал со своею женой Гюль-Дахан, губы в губы, грудь в грудь. Услыхав, что стучат в ворота, он стремительно с места вскочил. Водюю шести бурдюков вымил руки он, водой сорока бурдюков освежил себе темя. Закусил верблюжатиной он, восьми неров и девяти верблюдиц мясо сожрав, в

один-два глотка выпил шесть бурдюков воды и стал одеваться.

Сапоги у него были сшиты из кожи шестнадцати быков. Обмотал он ступы грубой бязью в сорок локтей длиной и сапоги натянул с острыми каблуками.

Была у него чалма из шестидесяти одного куска шахской парчи; ею голову, в шесть витков, обмотал он. Пояс был у него, сделанный из шейной кожи сорока четырех верблюдиц; один раз охватил он им поясницу и с трудом завязал. Был халат у него, сшитый из восьмидесяти без одного кусков дорогой ткани; на плечи он накинул его. Был у него иноходец, высотой в пять гез, а обхватом в девять, рыжей масти. Надел на него Хемзе двенадцать подгрудников, три подхвостника и одиннадцать прочных подпруг, под чепрак подушку засунул, вскочил на коня и поехал. Плеть у него была ремённая из кожи девятнадцати коз, а на ее бахрому шелка целый батман пошел. Взял эту плеть он, хлестнул иноходца и к Юсупу подъехал.

Поглядел на Юсупа он и произнес:

— Эй, Юсуп-джан, вот теперь ты заплатишься за веру твою суннитскую, будешь томиться в темнице. А если бы ты Лату-Минату стал поклоняться, принял бы правую нашу веру, стал бы ты беком беков у нас, правил бы нашей страной.

— Чем страной твоей править, лучше в темнице томиться, — ответил Юсуп и, Хемзе угрожая, песню пропел:

Послушай ты меня, Хемзе-мершеб:
Чем бекам здесь, у нас рабам лучше!
Коль ваш султан сюда пришлет мне хлеб,
Не стану есть я, брошу псам лучше!

Не осенью цвезть розе, а весной,
И каждый ищет выгоды прямой;
Чем быть мне шахом над твоей страной,
Да буду предан я цепям лучше!

Коль пир мой явит милость мне свою,
И я гяурам в души свет волюю,—
Я нос тебе отрежу, лоб пробью:
На воле быть твоим мозгам лучше!

Юсуп зовет: иди ко мне, мершеб,
У нас вкуси науки сладкий хлеб;
Кем хочешь быть ты на весах судеб?
Раскайся и прими ислам лучше!

Услыхав такие речи Юсупа, разгневался Гозель-шах.

— Брось его и брата его в темницу! — приказал он Хемзе кызылбашу. Хемзе, сойдя с лошади, сгреб одною рукою Юсупа, другою Ахмеда и поволок их к темнице.

У Ахмеда дрогнуло сердце, и песню пропел он:

Юсуп! что узником я стал
В подвале тёмном — ты виной;
Что сердце рдеет точно лалл
В костре огромном — ты виной.

Колодцу мы обречены,
Там света нет, там дни темны;
Да! Что глаза мои полны
Огнем заемным — ты виной.

В душе навеки свет погас;
Кровь льется из померкших глаз.
Джигиты где мои сейчас?
Темница — дом нам. Ты виной.

Пойми Ахмеда, брат: до дна
Моя душа омрачена;
В разлуке с нежной Адина
Стал я бездомным. Ты виной.

Хемзе-кызылбаш бросил братьев в темницу и накрепко запер её.

Юсуп-бек огляделся, стараясь увидеть: есть ли ктонибудь в ней еще. Увидал он, что в правом углу лежит седовласый старик. Юсуп-бек обратился с приветом к нему, и старик отвечал на привет.

И они разговаривать стали:

Ю с у п :

О, лежащий в цепях старик!
Мне скажи: где страна твоя?
Подыми страдальческий лик
И скажи: где страна твоя?

С т а р и к :

О, с душою как море, львы!
В дальних далях страна моя.
О, познавшие горе львы!
В дальних далях страна моя.

Ю с у п :

Поздороваемся, мой дед,
Вместе жить нам. Дай мне ответ:
Ты здесь много ль томишься лет,
И душа чем больна твоя?

С т а р и к :

Поздороваемся, мой внук:
Узник узнику вечно друг;
Год уже — я добыча мук,
Вот душа чем больна моя.

Ю с у п :

У тебя был ли в мире друг?
Ласку знал ли ты нежных рук?

Чем ты небо прогневал вдруг,
В чем, поведай, вина твоя?

Старик:

У себя пастухом я был,
Караваны протом водил;
Гозель-шаху я сон раскрыл, —
Только в этом вина моя.

Юсуп:

Почему же ты осужден,
Почему на плен обречен?
Разгадал ли ты шахский сон?
Чем догадка вредна твоя?

Старик:

Знаменует, сказал я, сон,
Что Гозель, в тюрьму заключен,
Юсуп-беку уступит трон;
Вот какая вина моя.

Юсуп:

Ты в каких расцветал краях?
Ты в каких сиял городах?
Кто друзья твои, кто твой шах?
И какая страна твоя?

Старик:

Я в страданиях изнемог,
Но надеюсь: поможет бог;

Мухаммед — мой святой пророк;
Знаю: вера верна моя.

Ю с у п

Я — Юсуп, я ислама сын;
У родителей я один;
Я султан страны Хорезмин,
И в Ургенче страна моя.

Старик:

Я возил дорогой товар,
Амбра с мускусом — вот мой дар,
А зовусь я Баба-Камбар,
В Чин-Мачине страна моя.

Итак, Юсуп-бек, Ахмед-бек и Баба-Камбар
стали делить заключение.

Много дней протекло.

У Хемзе-кызылбаша была черноокая дочь по
имени Карагез. Была она чистою светлою де-
вушкой с розовой кожей, стройным станом и
нежным телом и все покоряла сердца.

Как то раз подошла к темнице она, увидела
Юсупа, увидела Ахмеда, склонилась перед ни-
ми в поклоне и песню пропела.

Ахмед-бек поглядел на верх и увидал Карагез.
— О, Юсуп-ага! — сказал он и песню пропел:

Юсуп-ага, Юсуп-ага!

В тюрьму заря с небес пришла,

Взгляни: ведь там сады, луга, —
Весна, пора чудес, пришла!

Гляди, как хороша она,
Как бы для ласки создана!
Ах, к ней прильнуть бы! К нам луна
Без облачных завес пришла!

Та, что стройнее чем газель,
Чей голос льется как свирель,
Лицо — луна и взоры — хмель.
И нежен глаз разрез, — пришла!

Молиться ей готов Ахмед:
Ее увидел; — сердца нет!
Она внесла в темницу свет:
Блистая, Карагез пришла!

Тут и Юсуп поглядел наверх, увидел ее
и сказал:

— О, нежная, знаешь ли: мы музыканты.
В этой темнице мы очень грустим и скучаем.
Если бы ты принесла шелковичного дерева
нам и топорик, и шелку для струн, я бы сде-
лал дутар и воспел бы тебя.

Карагез побежала домой, прялку сломала,
топорик взяла и шелку, и сорок лепешек
поджаристых. Все, привязав к своим косам,
спустила в темницу она.

Карагез посещала их тайно, справлялась, в
каком настроении Камбар и Юсуп и Ахмед.

И сказал как то старый Камбар:

— Вы не спорьте со мною, сынки мои, и не ревнуйте: в меня влюблена Карагез, а не в вас. Хоть она и о вас проявляет заботу, но раньше она обо мне заботилась вдвое.

— Нет, ты неправ, дед Камбар,— отвечал Юсуп-бек,— Карагез в меня влюблена.

— Вы оба неправы,— вмешался Ахмед,— если любит кого Карагез, то меня одного.

Дед Камбар был решительно с тем несогласен.

— А давайте проверим,— сказал он.— Вы оба спрячьтесь подальше, и если она вспомнит о вас и встревожится, значит, вас она любит, а нет,— так меня.

Согласились Юсуп и Ахмед и, увидя идущую к ним Карагез, в дальний угол забились, а старый Камбар посредине колодца остался, насторожившись.

Карагез принесла заключенным кувшин катыка и девять чуреков и в яму спустила. Взял дед Камбар приношение и принялся есть. Карагез заглянула в колодец: ни Юсупа нет, ни Ахмеда,— один дед Камбар. Борода у него как под солнцем оставленный хлопок белая; усы лезут в рот, как веревка верблюжья лохматые, крепкие: дернуть за них, не порвешь. Сам он худ; кожа точно к костям приросла, грудь плоска как доска; если сплю-

нет,— мокрота в плевке кровавая. Лицо все в морщинах, как шкура палёная, уши мохнаты; в них грязь, что за семьдесят лет накопилась. И сидит он, лукавец, красавцем таким.

— Что ты сделал с Юсупом, с Ахмедом что сделал?— спросила его Карагез и песню пропела:

Эй ты, дедушка, седая борода,
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?
Узник, хлеба не выдавший никогда,
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?

Ты жаднее всех драконов раза в три:
Ешь и давишься! Хоть бороду утри!
Ты кувшин, гляди, с тарелкой не сожри!
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?

Бородищу в молоко ты обмакнул!
Ах, скорее бы ты ноги протянул,
Чтоб колодец от такого отдохнул!
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?

Эй, обжора, отвечай же мне, я жду!
Ах, бесстыжий! Стань ты черным, как в аду:
Сыт, а всё глаза таращишь на еду.
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?

Карагез полна тревоги, без конца.
Отвечай же мне, не прячь, злодей, лица!

Где два юных, милых сердцу удальца?
Что с Юсупом и Ахмедом сделал ты?

Услышав эту песню, Камбар встал стремительно на ноги, стер следы катыка с бороды и усов, задрожал, будто била его лихорадка, принял гордую позу, выставив ногу вперед, и песню пропел:

Тебе готов отдать всю душу дед,
Но старость ждет привета, Карагез!
Твое лицо, — как яблоневой цвет;
Дай этого мне цвета, Карагез!

Твое лицо, как роза, — дай вздохнуть!
Найди к блаженствам нестерпимым путь!
Я бородой твою изнежу грудь!
Зима — подруга лета, Карагез!

Ах, как бы страстно я к тебе приник,
Твой обнял стан бы, целовал твой лик,
Кусал бы рот твой и сосал язык;
Ты — согласишься на это, Карагез!

Камбар горюет: год я здесь живу.
Увы! когда я твой цветок сорву?
Юсуп с Ахмедом — не мужчины, тьфу!
Ты будешь мной согрета, Карагез!

Карагез, услышав от Камбара подобную песню, разгневалась очень.

— Я набью твою шкуру соломой! — сказала она и хотела уйти.

Тут Камбар подошел к Юсупу с Ахмедом и грустно сказал:

— Что же делать? я с вами тягаться не в силах. Вас любит моя Карагез, — признаюсь! Покажитесь вы ей поскорее.

И песню пропел он:

Признаюсь, Юсуп и Ахмед:
Вы — прельстительней старика...
Пролила нам в темницу свет
С изумрудным перстнем рука.

Карагез посетила нас,
Но спросила сразу о вас,
И её мой не видел глаз:
Вмиг ушла, как джейран легка.

Рассердившись, ушла она,
Огневого гнева полна;
Видно, гибель мне суждена,
Видно, смерть уж моя близка.

Над Камбаром гроза небес;
Мой пророческий дар исчез;
Я спугнул, боюсь, Карагез,
И не будет нам катыка!

Услыхав эту песню Камбара, Юсуп утешал его пропел:

Дед мой, не бойся Карагез:
Она не очень строгой будет;
Взирает бог на нас с небес,
И катыка нам много будет.

Когда языческих собак,
Не знающих, сколь бог всё благ,
Мы заточим в тюрьму, во мрак,—
Прямой твоя дорога будет.

Поверь Юсупу: если мы
На волю выйдем из тюрьмы,
Твой путь — в Ургенч из этой тьмы,
Коль с нами милость бога будет.

А затем Юсуп и Ахмед подошли к решетке темницы.

Карагез, увидав их обрадовалась. Побежала домой, испекла дважды девять кусков катламы, намазанной сладким, — половину Юсупу, половину Ахмеду, — и вдобавок, и в их честь, шесть кусков чапады для Камбара, принесла это всё и, к косам своим привязав, опустила в темницу.

И потом постоянно ходила она узнавать, как живут её милые узники.

Мы оставим пока их в темнице, а сами послушаем, что происходит в Ургенче.

Распространилась там страшная весть: Гозель-шах с Юсуп-бека содрал-де кожу от пят и до шеи, а Ахмед-беку шею ножом проколоть приказал.

Лагли-хан, мать Юсупа, жена его, милая Гюль-Хатиджа, и сестра Абадан — собрались в саду Юсупа. Обнявши друг друга, сидели они, горько плакали и причитали.

Хитиджа, вспомя Юсупа, песню пропела,

Что мне делать, мне несчастной? —

С милым я разлучена;
С цветником любви и дружбы

жизнь моя разлучена!
Я с защитником, с опорой бытия разлучена,

С тем, чья речь была прозрачней вод ручья:
разлучена,

С кравчим сладких райских благ я, —
кровь струя, разлучена!

Как мне быть? Огню печали обречённой стала я
В цвете жизни черным горем

угнетенной стала я,
Истомясь в разлуке с милым,

множить стоны стала я
И носить отныне траур похоронный стала я:

Свет очей моих — погас он;
с милым я разлучена!

В саду Юсуп-бека жили пять журавлей, там и выросших, и никогда они сада того не покидали.

Сказала им Гюль-Хатиджа:

— О, крылатые твари! Юсуп вас любил, и его вы лыбили. Слетайте в тот край, где томится мой милый, и весть принесите о нем.

И она на крылах журавлей написала о том, как страдает она.

И журавли полетели по направлению к Мисру. Перелетев через семь горных кряжей, в три дня одолели они семимесячный путь. Прилетели они в город Миср, покружились и после полудня, заметив темницу, опустились у двери. Юсуп-бек увидал на их крыльях послание Гюль-Хатиджи и прочел:

О, Юсуп-бека журавли!
Слетавши в Миср, домой вернитесь!
Пересеките ширь земли
И с вестью, хоть бы злой, вернитесь!

Была я розой, всех нежней,
Но улетел мой соловей.
Коль жив Юсуп мой, — поскорей,
Стремя полет живой; вернитесь!

Но, коль хазан цветы посека,
Коль милый мой исчез навек,
Коль он погиб, мой Юсуп бек, —
С поникшей головой вернитесь!

Удел Гюль-Хатиджи жесток:
Её любимый так далёк!
А если он в могилу лёг,
Взяв прах с могилы той, вернитесь!

Прочитав послание Гюль-Хатиджи, Юсуп-бек взволновался:

— О, крылатые твари! Если вы, воротившись домой, сообщите всю правду, то Гюль-Хатиджа станет больше страдать и томиться бессилием. Вы должны передать ей одно: что мы живы, что мы здоровы, — сказал он.

И, помолчав, он добавил:

— Да, не послушался я Бозоглана, моего дяди!.. Не убив Мурзаммеда презренного, сам я себя обрек на такую беду... Весть обо мне отнесите вы, твари крылатые, падишаху страны Исфаган, Бозоглану. Может быть, он, услышав о страданиях наших, вызовет нас из темницы.

Повинуясь Юсупу, слетели с тюрьмы журавли, поднялись в небеса и направили путь в Исфаган. Через несколько дней долетели они до столицы и передали Бозоглану посланье Юсупа. А затем взяли путь в Хорезмин, прилетели в сады Юсуп-бека и девять кругов описали, вившись над головой Хатиджи.

К Гюль-Хатидже пришли Лагли-хан, мать Юсупа, и сестра Абадан.

Из Ургенча ли явилась ты, несчастная, сюда?
Почему тебя постигли горе, немощи, беда?
Покорительница сердца, о себе скажи, звезда!
Светлый мир ты превратила в область

плача навсегда!

Кто ты, пери? Чьим волшебством расцвела
пред нами ты?

Видно, много ты страдала, чтоб желтей
шафрана стать;

Ты родимых потеряла, — где твой отец и мать?
На тебе лежит разлуки, мук и

горестей печать;

Из какой страны далекой ты сюда
пришла страдать?

Кто ты, пери? Чьим волшебством расцвела
пред нами ты?

Ты, с лицом Ширин прекрасной,
к нам в темницу льешь лучи,

И глаза твои газельи черной влагой горячи;
Как твои, должно быть, страстины,

вдохновенны сны в ночи!

Речь твоя — как будто медом,
не водою бьют ключи;

Где росла ты, где гуляла,
пела меж цветами ты?

Что же делать Юсуп-беку? Он богат
когда то был;

— Вы должны оправдать долг соседства. Слетайте, прошу, к Бозоглану и весть обо мне передайте.

После этого ласточки в воздух взвились, путь держа в Исфаган.

Через пять дней достигли они той страны, разыскали дворец Бозоглана.

Было после полудня, и хан Бозоглан совершал омовенье.

Ласточки стали кружиться над ним и девять кругов, щербеча, описали, а затем полетели обратно в Миср. И к исходу девятого дня от начала полёта они достигли гнезда. Утомясь, ослабев от полёта и голода, ласточки спали всю ночь, а на утро слетели к Юсупу и головы грустно склонили.

Глава Пятая

Освобождение Юсупа и Ахмеда.

В общем, в этой темнице Баба-Камбар, Юсуп-бек и Ахмед-бек провели семь лет, семь месяцев, семь дней, семь часов. Они совершали намаз, как положено, и старый Камбар был имамом у них.

Как то ночью проснулся Юсуп и раздумался горько:

— Выйдем ли мы наконец из этой тюрьмы?

После ему привиделся сон: озарилась тем-

ница таинственным светом, святыми мужами наполнилась вся; появились чильтены и пиры, — пешие, конные, — сам Али появился; затеплили свечи они и беседу устроили; дали Юсупу три красные розы, потрепали его по плечам благосклонной ладонью и скрылись.

Полный счастья, проснулся Юсуп и вскочил. Подошел он к деду Камбару и разбудил его и рассказал ему свой сон.

Баба Камбар тут сказал:

— О, Юсуп-джан! Сон твой радость тебе возвещает. Три розы, которые ты получил, означают, что через три дня ты получишь свободу, увидишь народ свой и край свой родной. Что тебя по плечу потрепали, значит, что ты возвратишься сюда и свергнешь Гозеля с престола, меня из темницы спасешь и прославишься как богатырь.

С радостью слушал Юсуп толкование сна и потом поднялся и склонился в поклоне глубоком перед дедом Камбаром.

Прошло три дня.

Гозель шах призвал к себе Хемзе-мершеба и спросил у него:

— Эй, мершеб, семь уж лет, протекло с той поры, как велел я в темницу бросить Юсупа с Ахмедом. Они, вероятно, давно уже умерли оба?

— О, мой султан, — отвечал Хемзе-кызылбаш, — живы они. Музыкантом Юсуп оказал-

ся, днем и ночью бренчит на дутаре. Тюремщики слышать не могут уже его заунывного пенья. Даже, птицы, что в небе летают, покорны ему и разносят вести о нем. Он чародей, должно быть, он ласточкам и журавлям отдаёт повеленья и шлёт с ними всюду посланья свои.

Гозель-шах был разгневан таким сообщением и вызвал четырехста стражей.

— Возьмите с собою всех палачей, — сказал он, — ступайте к темнице, запоры ее укрепите и ночь проведите там. С восходом, оставив Камбара в темнице, выведите из нее Юсупа, а также Ахмеда и ко мне приведите. Если решат поклониться они Лат-Минату, я помилую их. Если ж нет, — с минарета Юсупа я сбросить велю, а Ахмеда повесить.

Четыреста стражей пошли, завалили темницы, а сами на крыше легли.

Рассвело. Вошло солнце. Стражи и палачи открыли двери темницы, аркан опустили в нее и сказали:

— Если там живы Юсуп и Ахмед, пусть они на аркане поднимутся.

И, все четырехста, сабли свои обнажив, грозно глядели на двери.

Юсуп и Ахмед, опоясав арканом себя, уж готовились выйти, но тут Юсуп-бек, увидав палачей, омрачился и деду Камбару песню пропел, с ним прощаясь:

Уже затмились для меня лучи;
Мой милый дед, что слаб и стар, — прощай.
Вокруг меня столпились палачи;
В последний раз, Баба-Камбар, — прощай.

Я сердце на костре терзаний сжег;
Крива моя судьба и черен рок;
Надежды нет, смерть стала на порог;
О, мой народ, что смел и яр, — прощай.

О, пусть никто таких не терпит бед!
И лучше б не родиться мне на свет,
Чем восходить на смертный минарет!
Сестра моя, снеси удар, — прощай.

Томясь в темнице, я не знал услад,
Мой розовый не посещал я сад;
В Дин-Хорезмин я не приду назад;
Жена моя, небесный дар, — прощай.

Сам на себя навлек я столько мук,
Сам истребил свободу мощных рук;
Кто исцелит смертельный мой недуг?
Мой верный лев, Ашир сердар, — прощай.

Я от езидов должен смерть принять;
Душа уйдет, и трупом мне лежать;
Где ты, моя родная, где ты, мать?
Моя Кыбла, любви пожар, — прощай.

Я раздроблю о камни стройный стан;
Повешен будет брат мой Ахмед-джан;
Ах, у Юсупа в сердце сотни ран!
Джигитов строй, все двадцать пар,—прощай.

Палачи и тюремщики, и четыреста стражей, выкликая угрозы, повели обреченных.

Распространился по городу слух, что Юсупа должны с минарета низвергнуть, а Ахмеда повесить. Гяуры,—мужчины и женщины, старцы и дети,—сбежались на казнь любоваться, и многие в давке погибли, а многие руки и ноги сломали.

Связаны были отважные беки, и сердце их гневом напрасным пылало.

И вот привели их к шаху Гозелю.

— Развяжите им руки,—велел падишах.

Поглядел он на них и добавил:

— Ах, когда б не суннитами были они!
Удалые джигиты! Каждый с виду — Рустем!

Палачи развязали им руки.

Восседавшие в зале вельможи, хранитель печати и полководцы встали с мест, обступили Юсупа с Ахмедом, разглядывать стали.

— Эй, Юсуп,—сказал Гозель-шах,—поклонись Лат-Минату; я красавицу в жены тебе подарю, украшу тюрбан твой пером золотым, разделю с тобой власть.

Но Юсуп оскорбился:

— В рот тебе землю! Пусть сгорят твой Лат и Минат,— отвечал он Гозелю и песню пропел:

Ты, кызылбаш, владеньями богат,
Но всех краёв наш край единый лучше;
У вас лопочут, а не говорят,
И ваших слов — призыв ослиный лучше.

Степь ваша и весной гола на взгляд.
А женщины! Нет в мире толще пят.
А копы ваши! Мельче поросят.
Всех их прыжков — галоп крысиный лучше.

Мои бойцы в сияньи серебра;
На золоте готовят повара;
Твой рот весь в корках, грязная дыра;
Твоих бойцов — наш раб с дубиной лучше.

Красавиц наших в мире краше нет:
Глаза горят, лицо как вешний цвет;
У нас в садах — как будто рая след;
Твоих цветов — наш куст полынный лучше.

Богаты вишней наших гор хребты,
А города — создание мечты:
Там сплошь сады, в любом углу цветы;
Твоих садов — наш прах пустынный лучше.

Юсуп не станет бога забывать;
Прими, неверный, нашу благодать:
Удел езида в пламени сгорать;
Твоих богов — все наши джины лучше.

Гозель-шах, услышав это слово, разгневался:
— Эй, с толстой шеей туркмен! Ты опять
мне перечить осмелился? Снова мне дерзкие
речи кидаешь?

— Шея моя за семь лет истончилась в тем-
нице — ответил Юсуп, — я ведь, видите, смир-
но стою. Будь я прежний, — нос бы тебе я
отрезал и тебя бы заставил его проглотить.

Гозель-шах разъярился; глаза его стали как
чашки.

— Эй, Юсуп-джан, ты расхвастался, вижу, —
сказал он. — Мы знаем, на что ты способен.
Один Мурзиммед, диван-бек мой, смог вас
обоих связать и сюда привести. „Убью, унич-
тожу!“ — не стыдно ль пустое болтать? Если
б даже ты смог воротиться в Ургенч и обратно
нагрнуть сюда, — все равно, ни на что ты не
годен.

Но тут Юсуп-бек, угрожая Гозелю, песню
пропел:

Нет, Гозель-шах! Твой рок суров:
Я полчища мои примчу;
Я, вскинув триста бунчуков,
Семь тысяч пушек притащу.

Ко мне в пути из всех краев
Сойдутся тысячи гонцов;
Я по утрам, в поход готов,
Приказ из пушек прорычу.

Призыв мой журавли, снесли,
И твой удел — лежать в пыли,
Знай: все дворцы твоей земли
Огнию предам я и мечу.

Сведу в Ургенч твою казну
И музыкой мою страну
Залью, а твой народ, в плену,
Мою почувствует кичу.

Ты нас терзал... Как горный град
Мои джигиты налетят,
И ты, от ужаса горбат,
Пойдешь, покорствуя бичу.

Семь лет меня твой мучил гнев,
Но я, победой овладев,
Твоих золотоперых дев
К себе на ложе залучу.

Юсуп не лжет, — увидишь сам!
Я по твоим промчусь полям,
Я в рабство твой народ продам;
Тебя же кину палачу.

И промолвил тогда Гозель-шах:

— Юсуп-бек точно лучший шахир стихи распевает. Приведите сюда Гекджека-шахиря. Пускай состязаются в этом искусстве. И если Гекджек победит, мы Юсупа казним, а Гекджеку подарим коня мы, халатов прекрасных, окажем почет ему, важную должность поручим. А если Юсуп победит, мы отпустим его на свободу.

Гекджек был великим шахиром в стране Гозель-шаха, и сто пятьдесят обучалось учеников у него.

Ученики золотой взяв дутар, за гонцами, отправились к шаху. Гекджек им сопутствовал.

— Эй, казизчей, из сокровищницы принеси и Юсупу дутар золотой, — приказал падишах. — Пусть они состязаются, мы же гослушаем их.

Казначей, исполняя приказ, через миг появился с дутаром и вручил его Юсуп-беку. Юсуп, взяв дутар двумя пальцами, так его оземь ударил, что он разлетелся на семьдесят девять кусков. И сказал Юсуп-бек:

— Нет, езиды! Дутар этот рук недостойн моих. Вот в темнице у деда Камбара дутар мой остался. Вот его принесите, — а там вы увидите зрелище!

Гонцы, обгоняя друг друга, помчались в темницу.

— Подай нам дутар Юсуп-бека, — Комбару велели они.

Дед Камбар протянул им дутар сквозь решётку.

Гонцы принесли и вручили Юсупу его. Взял Юсуп свой дутар, перебрал все лады и хореземскую песню запел. А затем обратился к шахиру Гекджеку:

— Ну, Гекджек, начинай. Если мне начинать, а тебе продолжать, — будет плохо тебе, пожалеешь.

Гекджек, услышав эту речь, приосанился, сел поудобней, взял в руки дутар и запел, а Юсуп отвечал ему песней:

Гекджек:

Джигиты наши, вспрыгнув на коней,
На поле битвы полетят, — вот зрелище!
И землю кровью обагрят твоей,
Лишь только шах метнёт им взгляд, —
вот зрелище!

Юсуп:

Когда мои джигиты налетят,
Клубясь как огненный дракон, — не зрелище?
Когда Туркмены, хлынув точно град,
Огнут у Гозеля трон, — не зрелище?

Гекджек:

Ты раньше не расстанься с головой;

Не побледней перед смертью огневой:
У нас есть пушка сажень в семь длиной,
Она дохнёт страшней чем ад, — вот зрелище!

Юсуп:

Когда мои джигиты дань возьмут
И вашею казной суммы набьют,
И совершат над псом-езидом суд,
И будет уничтожен он, — не зрелище?

Гекджек:

Да сломится, сунит, твоя спина,
Из под ногтей да брызнет кровь, черна;
Зальются трубы, запоет зурна,
И лисы труп твой изъедят, — вот зрелище!

Юсуп:

Мужи святые благосклонны к нам.
У нас базар в Ургенче по средам;
Вас, пленных, мы сведем туда и там
Всех продадим, презревши стон, —
не зрелище?

Гекджек:

Суннит! Ты сам не знаешь свой недуг;
Сейчас ты бодр: вольны движенья рук,
А как тебя возьмут в железный круг, —
Метаться будешь наугад. — Вот зрелище!

Юсуп:

Когда твой шах прострется ниц в пыли,

И кровь вельмож окрасит прах земли,
Когда, везя сто пушек, Эрали
Подступит к вам со всех сторон,—не зрелище?

Гекджек:

Суннит? К чему быть может годеи он?
Вас Мурзаммед один привел в полон.
Пусть песнь твоя клубится как дракон,
Туркмен у наших ляжет пят,— вот зрелище!

Юсуп:

О, нет, гяур! Не верь в защиту стен:
Все крепости твои сметёт туркмен;
Грозя мечом, возьму я женщин в плен
И конюхам отдам как жен.— Не зрелище?

Гекджек:

Пускай палач язык твой оторвет
И голову подвесит у ворот!
Мой шах немедля твоего побьет;
Гекджек победе будет рад: вот зрелище!

Юсуп:

Юсуп вернется, ты увидишь сам!
Огню все ваши крепости предам;
В мою тюрьму ваш сядет шах, и вам
Туркмен предпишет свой закон!—
Не зрелище?

И когда замолкли певцы, спросил Гозель-шах:

— О, полководцы и беки! Чья песня по вашему выше?

Беки, глядя на шахира Гекджека, сказали угодливо:

— Песня Гекджека по нашему мнению выше.

— Да, действительно! Так высока эта песня как брань бабьим голосом. „Язык оторвет“, „голову подвесит“ — бабья ругань всё это! Настоящим шахиром Юсуп оказался: он не льстил и от слов своих первых не отступал, — произнес Гозель-шах.

По его повелению одежды сорвали с Гекджека и дав ему семьдесят палок и девять проклятий, изгнали с позором.

Гозель-шах одел Юсупа и Ахмеда в халаты прекрасные, дал им коней ветроногих, щиты золотые, кольчуги серебряные и еще сорок мулов, навьюченных золотом.

— Счастливой дороги, — сказал он. Подумал Юсуп: „змеи — мягкие с виду, нутро же у них ядовитое“ и, затаив негодование, тронул коня, не ответив ни слова.

— Юсуп-джан, возвратившись в страну твою, там оставайся: к нам тебе ездить не стоит. Коль будет что нужно, пришли мне письмо за твоею печатью, и я всё, что хочешь, отправлю немедля к тебе, — продолжал Гозель-шах.

Юсуп-бек, приподнявшись на стремянах
золоченых, песню пропел:

Постой, султан езидов, подожди,
Теперь тебе не повезёт, султан мой.
Немного счастья встретишь впереди:
Теперь до нас дошел черед, султан мой.

Ты руки ноги мне связал,—за что?
В огне разлуки я пылал,—за что?
Умру я в яме,—ты мечтал. За что
На грудь ты навалил мне гнет, султан мой?

Я крепостей твоих разрушу строй,
На всех гяуров наступлю пятой,
На сорок дней провозглашу я той;
Да, будет всё наоборот, султан мой.

Поймав тебя, я оголю твой срам,
Язык твой и глаза я вырву сам,
Моим джигитам жен твоих отдам
И в рабство твой продам народ, султан мой.

Езидами все ямы я забью,
Всех беков гордых, изловив, убью
И бороду я выщиплю твою,—
С тобой сведу я полный счет, султан мой.

Юсуп твой край поганый разгромит,
Своим тавром язык твой заклеянит,

На шею цепь наденет, ослепит
И за нос в яму отведет, султан мой.

Гозель-шах, услышав эту песню, сказал:

— Ах, Юсуп-джан, ты опять разбахвалился! Разве тебя не схватил Мурзаммед, диванбек мой, один, и ко мне не привел? Ты мне лучше скажи, чем тебя оскорбил я, за что на меня ты разгневан?

— Честь и месть мои за тобою остались, тиран!— отвечал Юсуп-бек и песню пропел:

Всею душою я стремлюсь опять придти:
За тобою честь и месть мои, тиран,
Хоть бы гибель мне грозила на пути,—
За тобою честь и месть мои, тиран.

Протомился я в тюрьме твоей семь лет;
В ней Камбар еще тоскуёт, дряхлый дед;
Стал из-за тебя страдальцем брат Ахмед;
За тобою честь и месть мои, тиран.

Горе мне, коль я тебе не отомщу,
За страдания тебе не отплачу,
Не предаю тебя суннитскому мечу!
За тобою честь и месть мои, тиран!

Мне лишь месть нужна, ненужен белый свет:
Крик езидов мучил душу мне семь лет;
Саблей, знай, тебя зарубит хан Ахмед;

За тобою честь и месть мои, тиран.

Я—Юсуп,—твоим езидам покажу:
В сердце черное огонь я им вложу,
Кровь их черная польется по ножу;
За тобою честь и месть мои, тиран!

Гозель-шах тут спросил у Юсупа:

— Скажи мне, Юсуп, какова страна твоя
и твой народ, и родные? Юсуп-бек, вспоми-
ная своих соплеменников, родичей, беков
своих, взял сааз и запел:

Сто тысяч юрт,—весь Маргелан
Ко мне сплошной стеной придет;
Людей пустыни буйный стан
Ко мне, забыв покой, придет.

Мне бог защита от врагов.
Я всюду кличу удалцов.
Надев тельпек, на этот зов
Ко мне джигит любой придет.

Пришлет мне войско Наманган,
Кашгар, Коканд и Исфаган;
Везя сто пушек, Бозоглан,
Могучий дядя мой, придет.

Тебя в железный круг возьмут,
Престол твой точно пыль сметут;

Придёт текинец и йомут,
Сарык, салыр лихой придет.

Придут сто тысяч эрсари,
Как на подбор—богатыри,
И всяк из них светлей зари.
В кольчуге золотой придёт.

Сорокатысячная рать,
Коней привыкшая седлать
И горлом пламя извергать,
Ко мне, горя душой, придёт.

Здесь будет зимовать Юсуп;
С костров взовьется дымный клуб;
И, чтобы твой увидеть труп,
Ашир мой удалой придёт.

Услыхав такие слова, стал раскаиваться
Гозель-шах, что освободил Юсупа и Ахмеда.

А Юсуп и Ахмед, погоняя навьюченных
золотом мулов, подаренных им, скрылись
вдали.

Мурзаммед же, узнав, что Юсуп и Ах-
мед отпущены шахом на волю, испугался.

— Надо пойти и обиду изгнать из их
сердца. — сказал он.

Девять мулов навьючил он золотом и
серебром, догнал удалявшихся беков, заехал
вперед, встретил их на пути, и кланяясь в

пояс, к Юсупу со льстивою речью дерзнул обратиться.

— Юсуп, господин мой!—сказал он и песню пропел:

Юсуп, мой милый, и Ахмед!
Видать, вы живы и здоровы!
В тюрьме сдружились вы иль нет
С Камбаром, брошенным в оковы?

Раб согрешить, конечно, мог,
Но всё простит ему цветок;
Вы, гиацинтовый росток,
Неправда ль, вы простить готовы?

Всем сердцем предан Мурзаммед;
Примите, ханы, мой привет;
Друзья мои, Юсуп, Ахмед,—
Скажите: мне простили зло вы?

Ахмед-бек услышав эту речь закричал:
— Это он, вероломный гяур, предал нас
и в ловушку завёл!

Из ножен саблю выхватил он и кинулся на Муразммеда. Тот побежал, закрывая руками лицо, но Ахмед ускользнуть ему не дал и саблей ударил его, и голову с телом его разлучил.

Увидав это зрелище, кинулись врассыпную езиды, каждый за жизнь свою трепеща.

А Юсуп и Ахмед, погоняя навьюченных мулов, вышли из города Миср и к Хорезму направили путь.

Через некоторое время, довольно далеко отъехав, наткнулись они на один кызылбашский аул.

Женщину там увидели они молодую и девушку рядом: воду те брали в арыке и, кувшины наполнив, направились к дому.

Юсуп-бек поскакал и дорогу девушке перерезал. Стал он петь ей, а девушка нежно ему отвечала:

Ю с у п :

Красавица у светлых вод!
Страна моя, скажи мне, где?
Твои уста как нежный мёд;
Страна моя, скажи мне, где?

Д е в у ш к а :

А сам ты кто, джигит лихой?
Твоя страна — не знаю, где.
Ты для меня совсем чужой;
Твоя страна — не знаю, где.

Ю с у п :

Мне любо на тебя смотреть;
Рад за тебя я умереть. —
За гибкий стан твой. Но ответь:
Мои края, скажи мне, где?

Девушка:

Зачем ты здесь, в краю чужом,
Стал красоты моей рабом?
Каким взрощен ты цветником?
Твоя страна — не знаю, где.

Юсуп:

Как лилия твой строен стан:
Ты из египтян иль армян;
Тебе навек я другом дан.
Уют жилья, скажи мне где?

Девушка:

Я как заря лицом светла;
Его чадрой я обвила;
Моя с ширапом пиала.
Твоя страна — не знаю, где.

Юсуп:

Все в золоте седло коня;
Скачу я, панцырем звеня;
Юсупом называй меня.
Страна моя, скажи мне, где?

Девушка:

Слыву царицей чистоты,
Огнем палят мои черты;
Меня — Зохре звать можешь ты.
Твоя страна — не знаю, где.

Посмотрел тут Ахмед на Юсупа с укоризной:

— О, Юсуп-бек, вижу я: ты с любою ездискою бабой заигрывать рад. Неужели своё позабыл ты раскаянье?

И Ахмед пропел песню:

Юсуп; хватил ты через край,—
Себя не пристыдишь ли ты?
Свободы сердцу не давай.
Домой не поспешишь ли ты?

Всё в этом мире тлен и ложь:
За радостью беду найдешь;
Ты с чужеземкой речью ведешь,—
Себя не усмиришь ли ты?

Ужель другой заботы нет?
Стыдился б ты таких бесед!
И пиров, — говорит Ахмед, —
Вниманьем не почтишь ли ты?

Тронул Юсуп-бек коня и вместе с Ахмедом, погоняя навьюченных мулов, двинулся в путь. Девушка Зохране, раздирая одежды и косы по ветру развеяв, себя по бедру кулаком ударяя, задыхаясь, их догнала.

— О, Юсуп-джап! Я рабынею стану твоей! — восклицала она.

— Я с тобой пошутил, — отвечал ей Юсуп, —

у меня есть жена, мной любимая, Гюль-Хатиджа.

Тут Зохре, посылая проклятия мысленно Гюль-Хатидже, песню пропела:

Передай, мой Юсуп, салам
Хатидже, царице моей,—
Змеям-косам, черным глазам,
Узким дугам черных бровей.

Мой слезами взор ослеплён;
Ты из плена освобождён;
Передай, передай поклон
Лунноликой жене твоей.

Знай: кибитка твоя — мой дом;
Пусть рабыней я стану в нём;
Хочешь, — буду твоим гонцом,
И камчой мне косы разбей.

Поначалу стремишься ты,
А потом — вдруг боишься ты?
Может быть, опьянишься ты?
Поцелуешь меня нежней?

Гиацинты кудрей твоих
Мне дороже братьев родных,
Но, боясь объятий моих,
Упорхнул ты, мой соловей.

У Зохре ты сердце рассёк,

Ты презрел обещанья нег;
Стань моим — иль чужим навек!
Бог с тобою! Езжай скорей!

Но Юсуп и Ахмед, погоня навьюченных золотом мулов, свой путь продолжали. Пересекли они страну кызылбашей и достигли урочища Баба-даг. Спешились там они у источника, мулов пустили пастись на траву, а сами уселись — поесть, отдохнуть. Слышат вдруг отдаленные выстрелы. Удивились они, поднялись на возвышенность, видят: целое войско идет.

Это был Гекджек-шахир во главе семитысячной рати. Ночи и дни гнался он за Юсупом и говорил:

— Я Юсупа убью и Ахмеда, а вам, мои воины, мулов раздам, навьюченных золотом.

Ахмед-бек, завидя езидов, полный отваги, себя как бы вдвое сильнее почувствовал. Он уж хотел один поскакать на врага, но Юсуп взял за повод коня и сдержал. Тут Ахмед стал просить у Юсупа, чтоб тот отпустил его в бой, а Юсуп отвечал ему:

А х м е д :

Езиды здесь! Позволь идти мне в бой,
Дай биться впереди, Юсуп, султан мой!
Они уже скопились под горой, —
Дай биться впереди, Юсуп, султан мой!

Юсуп:

Еще ты молод, ты не знаешь рая,
Потеху погляди, Ахмед мой, хан мой!
Я не пущу тебя под ятаган, —
Потеху погляди, Ахмед мой, хан мой!

Ахмед:

Семь лет в колодце протомился я,
К святым мужам душой стремился я,
Желаньем мести распалился я, —
Дай биться впереди, Юсуп, султан мой!

Юсуп:

Я сам гяуров этих изрублю,
Их трупами долины завалю;
Тебе же — оставаться здесь велю;
Потеху погляди, Ахмед мой, хан мой!

Ахмед:

Дай мне на них ударить с вышины, —
Ущелья будут кровью их полны;
Лишь трус глядит на бой со стороны;
Позволь: огонь в груди, Юсуп,
султан мой!

Юсуп:

Нет, я пойду, чтоб кары не избег
И руку вновь мою узнал Гекджек;
Я трупами заполню русла рек;
Потеху погляди, Ахмед мой, хан мой!

Ахмед:

Ахмеда, вижу, ты не ставишь в грошь;
Ты ясного ответа не даешь;
Ужель во мне бойца ты не найдешь?
Ты только погоди; Юсуп, султан мой!

Юсуп:

Юсуп увидел: льва смелее ты;
На бой стремишься, не робея, ты;
Ты — твердый мальчик, с толстой шеей ты;
Ну что-ж, — со мной иди, Ахмед мой,
хан мой!

После этого оба они, отпустив повода у коней, возглашая: „алла!“, на прагов поскакали. Врезавшись в толпу гяуров, Ахмед заколол четверых. Юсуп-бек, точно волк разъяренный, ворвавшийся в стадо овец, сеял смерть среди езидов.

С помощью пиров святых и пророков ум помутился у кызылбашей. Кинулись в бегство они, а Юсуп и Ахмед их преследовали и рубили их, и трупами их завалили долины.

Поймал Ахмед-бек Гекджека-шахира, связал ему руку и к Юсупу привел.

Юсуп-бек ему нос и уши отрезал, посадив на коня лицом к хвосту и, сказав:

— Всем расскажи, что ты видел и слышал, — его отпустил.

Приехал Гекджек-шахир к шаху Гозлю.

— Это кто? — спросил Гозель-шах.

— Это Гекджек-шахир, — отвечали ему.

Закопать его в землю живым! — повелел падишах.

Повеленье шаха исполнили.

А Юсуп и Ахмед, взяв богатства езидов, ликуя, прошли через хребет Баба-даг и к Хорезму свой путь продолжали.

Глава шестая

Возвращение Юсупа и Ахмеда на родину

Много сделали Юсуп и Ахмед переходов, преодолели пустыни и реки, и семь горных хребтов и достигли горы Эсгер. Вспомнили братья, как предал их здесь негодяй Мурзамед, как после семь лет протомились в темнице они.

Омрачались их сердце, и Юсуп бек, вспоминая свои униженья и муки, песню пропел, обращаясь к Ахмеду:

Взгляни вокруг, душа моя Ахмед:

Здесь у рабов рабами стали мы.

Султан мой, помнишь ли: семь лет назад

Езидов руку здесь узили мы.

Огонь разлуки сердце мне обжѣг,

Зато езид трубил в победный рог;

Здесь ремни обвилились вокруг наших ног,
Здесь горечь плена испытали мы.

Семь лет в душе у нас вертелся нож;
Мы сна не знали: ляжешь,— не уснешь;
Но говорит Юсуп: мы живы все ж!
Езидов руку здесь узнали мы.

Так стояли они с печальным, тоскующим
сердцем. И Ахмед песню пропел:

К нам милость истины сошла:
Минули эти злые дни.
В темнице наша жизнь текла;
Промчались те дурные дни.

И вот мы вышли из тюрьмы,
Спаслись от рук эзидов мы,
Прошли чрез горы и холмы,
Уже в былом больные дни.

Ахмеду, Истина, внемли:
В темнице дни мои текли;
Я кровью плакал, но прошли
Слезами залитые дни!

Тут Юсуп, вдохновленный словами Ахмеда,
по щиту рукоятью сабли ударил, и громом
ответили горы на этот удар. Юсуп, обра-
щаясь к горам, песню пропел:

Вот я опять к тебе пришёл;
Ты — гуд и гром, Эсгер-гора.
В густых цветах твой склон и дол;
Ты — гуд и гром, Эсгер-гора,

Когда гяур меня связал,
Когда я пленником шагал,
Всё видела ты, — но молчал
Твой гуд и гром, Эсгер-гора.

Я жертвой стал езидов злых,
Свистал их бич у плеч моих;
Но не обрушился на них
Твой гуд и гром, Эсгер-гора.

Юсуп взывает: о, аллах!
Я пролежал семь лет в цепях,
Я годы проводил в слезах;
Где был твой гром, Эсгер-гора?

У горы этой было четыреста узких теснин,
и по каждой теснине ручей протекал, и ручьи эти, слившись, образовали полноводную реку Гурген.

Погоня навьюченных мулов, приблизились беки к реке полноводной и видят: бушует она, заливая свои берега.

Юсуп-бек обратился к реке Гурген и, сказав ей: „дорогу нам дай“, песню пропел:

Хорезмские пришли сыны;
Дорогу дай, Гурген, дорогу.
Под нами пляшут скакуны;
Дорогу дай, Гурген, дорогу.

Через тебя пройду я вброд,
Ручьям перегражу я ход,
Я осушу истоки вод;
Дорогу дай, Гурген, дорогу.

Твоя исчезнет быстрина,
Грядой камней усмирена;
Покажешь людям прах со дна;
Дорогу дай, Гурген, дорогу.

Наш караван в Ургенч идет;
Открой, не бойся, нам проход;
Юсуп твоих не тронет вод;
Дорогу дай, Гурген, дорогу.

Переправились беки через реку Гурген. Ехали ночью и днем, семимесячный путь совершили в семь дней, и вот наконец показались вдали сады Ургенча, переливаясь на солнце свежей зеленью.

Ахмед, их завидя, сказал:

— Наконец то мы сможем братьев увидеть, родных и друзей.

Взволновался Юсуп, вспомнил отца он и

мать, и друзей, и товарищей, и Хатиджу,
дорогую подругу, сестру Абадан, Ашир-бека
сердара и сорок джигитов и песню пропел:

Разлученные со мною, о друзья,
увижу ль вас?
Сверстники мой, с кем близок сердцем я,
увижу ль вас?
Вы, кто в трауре ходили, боль тая,
увижу ль вас?
Мой отец, меня взростивший, мать моя,
увижу ль вас?
О, друзья мои, подруги и семья,
увижу ль вас?

Вы, кто поле просвещения превратили
в гюлистан,
Кто в молитвах неустанных наклоняли
гибкий стан,
Кто читали днем и ночью, наизусть уча,
коран,
Кто, об Истине ревнуя, в сердце скрыли
сотни ран,
Мудрецы, кто знают тайны бытия,
увижу ль вас?

Я в темнице истомился, о, Ахмед,
что делать мне?
Я семь лет провел в изгнании, долгих лет!
Что делать мне?

Для меня померк, боюсь я, белый свет.
Что делать мне?
Я пришел, а вдруг любимых больше нет?
Что делать мне?
Вы, с кем слушали мы вместе соловья,
увидю ль вас?

Живы ли мои джигиты, жив ли мой
сердар Ашир?
Мать с отцом живых увидю ль, или
я остался сир?
Нестерпима неизвестность! Для чего мне
светлый мир,
Если умерли родные, если смерть
свершила пир?
Вы, с кем жизни пролагалась колея,
увидю ль вас?

Говорит Юсуп: что делать? Изнываю в муке я:
Ближих сердцу не увидя, истомлюсь
в разлуке я;
Соловей без розы милой, сыплю скорби
звуки я;
Вновь в темнице непроглядной опускаю
руки я;
Хатиджа, Анна, чьи косы как змеи,
увидю ль вас?

И они, погоня навьюченных мулов, подъехали ближе, границы коснулись уже. В лег-

кой дымке виднелись родные сады. И Юсуп тут песню пропел:

Ахмед, душа души моей!
Вот горный кряж,—гляди, гляди!
Там—падишах, что всех добрей,
Владыка наш,—гляди, гляди!

Там наша славная страна;
Она опять нам отдана;
И ширь садов густых видна
Как бы мираж,—гляди, гляди!

Пройдя простор несков степных,
Достигли мы краёв родных;
Дворцы там, девушки,—у них
Краса всё та ж,—гляди, гляди!

Юсуп ликует без конца!
Улыбка не сойдет с лица:
Там наш народ, и все сердца —
Подобье чаш,—гляди, гляди!

Беки продолжали путь, погоняя мулов. Вдруг: всадники мчатся,—идет козлодраница. Приостановились те всадники, глядя на бекков, но их не узнали и продолжали потеху. Среди них был джигит в зеленой чалме. Он взгляделся в Юсупа с Ахмедом, подскакал к ним и, спешившись, произнес приветствие.

Юсуп-бек пожал ему руку и задал вопрос: — Кто это празднует той с козлодраньем? И джигит, которого звали Вепа бек, объяснил:

— О, мои беки! Слух к нам дошел, что Гозель-шах велел Юсуп-бека столкнуть с минарета и Ахмед-бека повесить. Алла-дат бай вознамерился сына женить на Адина, невесте Ахмеда. Девятидневный он той объявил. Семь уж дней длится празднество, два только дня и осталось до свадьбы.

Ахмед-бек, услышав эту весть, без сознания рухнул с коня. А когда он очнулся, беки двинулись дальше и явились на той. Суета там была. Там зарезали триста овец, сто коров, шестьдесят лошадей и тридцать верблюдов; рису было четыреста выюков верблюжьих; и шестьдесят поваров хлопотали над пловом.

Стрелки состязались в стрельбе, боролись борцы, верховые, из ружей стреляли, ок-кесме совершали, вдали козлодранье шло. Скоморохи, певцы, музыканты, сказители — все состязались в искусстве своем. Той был на славу.

Алла-дат бай, с подоткнутыми под пояс полами халата, накрест руки сложив на груди, восемь раз произнес привет и девять отдал поклонов и, подойдя, взял за повод коней у Юсупа и у Ахмеда.

Юсуп-бек, не сходя с коня, поздравил Алла-дат бая с тоем и песню пропел:

О, здравствуй, здравствуй, Алла-дат!
Твой пышный той дарю приветом.
Твоих богатых юрт наряд,
Сплошь золотой, дарю приветом.

То, что ты мертвыми нас мнил,
Что нас ты радости лишил,
Что Ахмед-бека разлучил
С его женой, — дарю приветом.

Пришли мы из враждебных стран,
Неся в душе сто тысяч ран;
Что Адина обвил ты стан
Твоей рукой, — дарю приветом.

Да склонится перед беком бай:
Юсуп даров не примет, знай!
Что мой Ахмед в родимый край
Пришел со мной, — дарю приветом.

Погоня навьюченных мулов, поехали беки дальше. Перед ними раскинулся Юсупов сад. Встретила их Гюль-Хатиджа со своими служанками (было их триста и шестьдесят), одета в траур.

Юсуп, их завидев, сказал:

— Видно, правда, Ахмед, что поверили здесь

мимолетному слуху о том, что меня с минарета столкнули, а ты был повешен; гляди: Хатиджа со своими служанками — в трауре.

Гюль-Хатиджа, хоть и видела всадников, не узнавала Юсупа. Юсуп, возроптав на судьбу, обратился к Ахмеду с песней:

Ахмед, бальзам души моей!
Я—над могилою сегодня.
Меня сжигает яд скорбей
С двойною силою сегодня.

Не вижу Хатиджи былой:
Идет в одежде гробовой,
Развеяв волосы... Такой
Я встречу милую сегодня!

Узнает ли она меня,
Добычу яда и огня?
Взлечу ли я, печаль гоня,
Душой бескрылою сегодня?

Достигли мы родной страны,
Передо мной лицо жены,—
И пить бы аромат весны
Мне каждой жилою сегодня!

Но в черном трауре она
Идет, измучена, бледна;

С ней изопьет Юсуп до дна
Тоску постылую сегодня!

Гюль-Хатиджа, видя всадников, взволновалась.

— Ступайте, — сказала служанкам она, — посмотрите: быть может, те всадники — мой Юсуп-бек вместе с братом Ахмедом.

И песню пропела она:

Пусть вернется любимый друг,
А соперник уйдет навек!
Вы бегите, глядите: вдруг
Это милый наш Юсуп-бек?

Не вернулись ли из степей
С нами жившие столько дней?
О, подруженьки, поскорей:
Это, может быть, Юсуп-бек.

Хатиджа сгорает без слов;
Мой услышьте, подруги, зов:
То не сердце ли двух миров,
Не родной ли мой Юсуп-бек?

Тут все триста и шестьдесят служанок, приподнявши подола, пустились бежать по направлению к всадникам. С шумом и криком они подбежали вплотную и, лицами к стременам прижимаясь, окружили прибывших. А потом к Хатидже помчались они и сказали:

— Ты должна наградить нас! Это — Юсуп и Ахмед!

Хатиджа, покрывало печальное сбросив, помчалась к Юсупу. Юсуп не сходя с коня, воскликнул:

— Подойди, поздороваемся, дорогая, — и песню пропел, а Гюль-Хатиджа ему отвечала:

Юсуп:

Я перед тобою, милый твой!
Узнай меня и обними!
Ты мне семь лет была мечтой;
Узнай меня и обними!

Хатиджа:

О, мой воскресший, мой султан!
Слезай с коня и обними!
Родной мой, муж мой, бек мой, хан,
Слезай с коня и обними!

Юсуп:

Ты розу отдала ль свою,
Скажи, другому соловью?
Забыла ль ты любовь мою?
Узнай меня и обними!

Хатиджа:

В разлуке тягостной с тобою
Застлал мне взоры мрак густой;

Враги—терзали клеветой;
Слезай с коня и обними!

Юсуп:

Долг мщенья тяготит меня:
Юсуп решил: не медля дня,
Вернуться, не сходя с коня!
Узнай меня и обними!

Хатиджа:

Но Хатидже так нужен ты:
К тебе стремилась я мечты;
Мой взор на грани слепоты;
Слезай с коня и обними!

Гюль-Хатиджа тут прижалась к колену Юсу-па, и он, увидав, как страдает она, упал без сознания. И Гюль-Хатиджа потеряла сознание тоже.

Очнувшись, Юсуп за руки взял Хатиджу, и с коня наклонясь, поцеловал ее в губы, и все направились к дому, где развьючили мулов, груженных золотом.

В кибитке Юсупа сундук был громадный, весь сделанный из арчи. Был в длину он пять гезов и три в ширину и окован был золотом, и хранилось в нем золото и серебро.

Юсуп и Ахмед на сундук этот спрыгнули с сѐдел, чтобы пятой земли не коснутся, и стали здороваться с теми, кто приходил. А

служанки бегали из кибитки в кибитку и всех поздравляли с прибытием беков.

Тут Абадан появилась, сестра Юсуп-бека, со своими служанками, поздоровалась с милыми братьями, и помчалась затем к матери, Лагли-ханум, известить ее.

Мать не поверила словам Абадан. Плача семь лет неустанно, глаза себе выплакала она. Абадан, взяв ее за руку, привела к сундуку, на котором сидели братья. Юсуп-бек вскочил и приветствовал мать.

Та, не помня себя от счастья, сказала:

— Значить, все таки рок мне позволил встретиться с вами!

И песню пропела:

Я без тебя семь лет была,—
Тебя увижу ль, я, дитя?
Семь лет тебя я прождала;
Тебя увижу ль я, дитя?

Судьбе я горький шлю укор:
Меня тоски сжигал костер,
И вот — померк навеки взор;
Тебя увижу ль я, дитя?

Плачь я как соловей во мгле,
Повисни, как Мансур в петле,
Отдай как Джерджис кровь земле,—
Тебя увижу ль я, дитя?

Пойду ль я,— говорит Лагли,—
Скитаться в прахе и в пыли,
Ожоги ль покажу мой,—
Тебя увижу ль я, дитя?

Так закончила Лагли-ханум свою песню.

У Ашир-бека сердара от слез непрерывных тоже погибли глаза. Он позором считал, что не мог отбить полоненных езидами беков. Услыхав, что вернулись они, попросил одного человека он повести его к бекам и, посохом осязая дорогу, явился к Юсупу.

Юсуп, увидав, что сердар его верный ослеп, зарыдал, сожалея о нем,

Дед Камбар подарил Юсупу в темнице горсть песку, объяснив, что песок этот взят из под копыт Дюль-Дюля, скакуна, принадлежавшего Шахимердану; всякий ослепший опять обретет драгоценное зренье, если с молитвой глаза оботрет тем песком.

Юсуп-бек вынул горстку песку из мешочка и протер им глаза Лагли-ханум и сердара Ашира. И мгновенно прозрели слепцы, и глаза у них стали светлее чем раньше.

Тут Ахмед-бек, прошептал:

— Одним радость, а другим горе,— песню пропел:

Я по воле злого рока чужд земным
уладам стал;

Светлой юности не видя, взор мой тусклым
взглядом стал;
Я провел семь лет в колодце, где хлеб
мне ядом стал;
Я, гора, с землей сравнился, я с пригорком
рядом стал;
О, друзья мои, что делать? Я увядшим
садом стал.

Отравив меня печалью, сил лишил
коварный рок,
Мне сто тысяч злых терзаний причинил
коварный рок;
Горе мне: меня с любимой разлучил
коварный рок.
И лицо в печальный траур ей обвил
коварный рок.
О, друзья мои, что делать? Я увядшим
садом стал.

Я — страдалец: я, несчастный, разлучился с
Адина,
Грудь моя стрелой разлуки беспощадно
пронзена;
Скрыла мне чертоги мира черной
скорби пелена;
Да ничьей душе не будет скорбь
такая суждена!
О, друзья мои, что делать? Я увядшим
садом стал.

Лучше, при таких страданиях, было б не
родиться мне,
Лучше бы не видать жизни,
чем в тоске томиться мне;
Был бы День мне слаще Судный,
чем была темница мне,
А теперь — скорбей грядущих вереница
мнится мне.
О, друзья мои, что делать? Я увядшим
садом стал!

Говорит Ахмед: помчусь я, на коня
вскочив, на той;
На коне я к шестикрылой подлечу
кибитке той,
А не то и жить не стоит в
бесконечной пытке той!
Нет, решил я в сердце страстном
встать на тое том пятой!
А иначе — что мне делать, если мир
мне адом стал?

Спев эту песню, сел Ахмед-бек на сундук.
Вдруг предстал перед ним и Юсупом Алладат бай. Девять отвесив поклонов, он обратился к Юсупу с Ахмедом:

— О, беки! Все утверждали, что злой Гозель-шах Юсупа убил и Ахмеда. Поверил я этому. Вот почему и затеял я свадьбу. Однако, не поздно еще: Адина со своими под-

ругами вместе сидит на девишнике; брак еще не свершился. И она ожидает ваших велений.

Так стоял он, прощенья прося, со скрещенными на груди руками, а затем пригласил братьев в гости к себе.

— Мы придем,— обещал ему вежливо Юсуп-бек,— ты же можешь пока удалиться.

Алла-дат бай ушел.

А теперь мы послушаем о красавице Адина.

Сидела она, окруженная девушками и молодками, и грустила безмолвно. Одна из подруг ее так ей сказала:

— О, госпожа, о, подруга моя! Твой Ахмед не вернется, не будет сидеть он на троне. Оставь надежды свои.

Тут Адина, вскинув голову, вспомнив Ахмеда, заплакала горько и песню пропела:

Подруги! В траур облачилась я:
С моим желанным я разлучена.
Горю в огне я; с солнцем бытия,
Судьбой мне данным, я разлучена.

Забыты мной стада и скакуны,
Не надо мне цветения весны,
Души не надо, розы ненужны,
Коль с гюлистаном я разлучена,

Семь лет ношу я траур, день и ночь;
Все радости мои умчались прочь;
Я смерть зову — моей тоске помочь
С моим султаном я разлучена.

Я не могу велеть себе: „живи!“
Лью кровь из глаз, и вся душа в крови;
В пустыне жизненной с тем, кто любви
Был океаном, — я разлучена.

У Адина меч скорби грудь рассек,
Мечты умчались пеной горных рек,
Но мне мой милый будет люб вовек,
Хоть с ним, с желанным, я разлучена!

Так закончила Адина свою песню.

В этот миг Юсуп-бек и Ахмед-бек проезжали они мимо кибитки, где, окруженная девушками, была Адина. Адина, их увидя, упала, утратив сознание, как человек, накурившийся анашой из кальяна. Через несколько мгновений воротилась к ней память. Вскочила она и выбежала из кибитки, сорвала с себя траурное покрывало и наземь швырнула и, лицом прижимаясь к ахмедову стремени, рыдая, песню пропела:

Семь лет томившийся в плену,
О, бек мой, ты здоров, ты жив?
В родную возвратись страну,

О, бек мой, ты здоров, ты жив?

От жажды пересох твой рот;
Тебя мечта от счастья жжет?
Я — здесь, я — жду, за годом год!
О, бек мой, ты здоров, ты жив?

Нам в жизни утешенье — ты,
Сердец успокоенье — ты,
У Адина стремленье — ты!
О, бек мой, ты здоров, ты жив?

Тут Алла-дат бай пригласил всех четырех беков в особую кибитку, девять сортов угощения им предложил, одарил их халатами почести им воздавая. Коротко скажем, что торжественно был Ахмед-бек соединен с девушкой Адина браком.

Алла-дат бай с почестями провожал гостей.

— Эй, Алла-дат бай! Ты пышный той затеял, — обратился к нему Юсуп, — ни с чем тебе оставаться обидно. Сестру мою Абадан я отдам сыну твоему в жены.

Алла-дат бай с низким поклоном выразил свою радость.

С торжеством привезли Абадан и браком соединили ее с сыном Алла-дат бая.

Той продолжался несколько дней в честь обеих супружеских пар.

Так осуществились заветные их мечты.

— А где Эрали-хан, мой тесть?— спросил Юсуп-бек у Ашира сердара.

— О, господин мой! После пленения вашего он тоже ослеп от рыданий. Он белого света не видит. Лежит он в кибитке своей, никому не показываясь,— отвечал Ашир-бек.

— Проводи меня к нему, — приказал Юсуп. И Ашир-бек повёл его.

Подошел Юсуп-бек к Эрали-хану, подумал: „узнает ли он меня?“ и песню пропел;

Меня обрек на муки злобный рок:
Семь лет тюрьма была обитель мне.
Я от рыданий скорбных изнемог:
Езид презренный был губитель мне.

Несчастия обрушились на нас;
Бойцы на помощь ринулись тот час,
Но враг отбил их; кровь текла из глаз, —
И стала тьма с тех пор обитель мне.

Могилкой надо мной сомкнулся плен,
Я кровью плакал, но средь черных стен,
Молился каждый за меня чильтен:
Прах из под ног их был целитель мне.

Да, как Юсуп*) в тюрьме сидел Юсуп.
Такой беды не знать бы никому б!

---

*) Разумеется библейлит Иосиф Прекрасный.

Я был надменен, был я с дядей груб, —
И брат Ахмед — в тюрьме, сожитель мой!

Закончил Юсуп свою песню, но хан Эрали
не узнал его.

— Кто ты, огнем обжигающий душу мою? —
спросил Эрали и песню пропел:

Посетивший вдруг больного, кто ты,
кто, дитя мое?
Мне своё принесший слово, кто ты,
кто, дитя мое?
Созерцатель горя злого, кто ты,
кто, дитя мое?
Боль мою задевший снова, кто ты,
кто, дитя мое?
Сожалеющий слепого, кто ты,
кто, дитя мое?

Я лежу с клеймом разлуки, мир мой
темен и угрюм;
Боль—мой спутник, друг мой—горе; крыльев,
смерти слышен шум.
Отлетела мощ былая, помутился скорбный ум:
Ничего схватить не может в быстрой смене
черных дум.
Сердце жгущий сон былого, кто ты,
кто, дитя мое?

Я как жемчуг, что с волною океана разлучен,

Соловей, что с лучшей розой гюлистана
разлучен;
Я страдаю, я с душою средь тумана разлучен,
Как Якуб, кто был с луною Ханаана
разлучен!
Ты, забытый отзвук зова, кто ты,
кто, дитя мое?

Пара соколов прекрасных отлетела навсегда,
И мои сломила крылья безисходная беда;
Ах, в колодец мук свалился я—до
Страшного Суда,
И одним рыданьем скорбным полны
долгие года.
Друг страданья рокового, кто ты,
кто, дитя мое?

Эрали был шахом гордым и слепцом
несчастливым стал;
Скован старостью холодной, он давно
безвластным стал;
Без Юсупа и Ахмеда враг ему опасным стал,
И в чертогах мира траур—знаменем
несчастливым стал;
Ты, жалеющий другого, кто ты,
кто, дитя мое?

Юсуп-бек провел по глазам его прахом
из-под копыт Дюль-Дюля, и Эрали-хан сно-
ва прозрел.

Полный восторга, благословляя создателя,
песню пропел он:

Бог ниспослал мне благодать!
О, что за вид передо мной!
Как бы луна, небес печать,
Мой шах блестит передо мной!

Семь лет я должен был страдать,
Лицо ногтями раздирать,
С Якубом схож. Но вот опять
Юсуп стоит передо мной.

Мой изменился жалкий рок:
Дошел до неба скорбный вздох,
И сонм эренов мне помог;
Ахмед стоит передо мной.

Семь лет, как я поник в костер,
Семь лет мой кровью залист взор,
Но вновь передо мной простор,
Вновь сад разбит передо мной.

Пред взором Эрали возник
Расцветший только что цветник!
Прозрел я! И Юсупов лик
Опять горит, передо мной.

После этого Эрали-хан предложил Юсуп-беку сойти с коня. Юсуп бек отказался, и стали они спорить об этом:

Эрали:

Вы семь лет пропадали, волки мои;
Чтобы всё рассказать, сойдите с коней.
Вас мне отдали дали, волки мои;
Чтобы друга обнять, сойдите с коней.

Юсуп:

Я бы кинулся, хан мой, к тебе на грудь,
Но мой грозный обет: „не сойдем с коней!“
Мы езидам обиды должны вернуть,
Мстить должны мы за вред, Не сойдем с коней!

Эрали:

Вы—души моей светоч, сиянье глаз;
Я о вас позабыть не мог ни на час;
Я о многом хочу разузнать у вас;
Чтобы всё рассказать, сойдите с коней.

Юсуп:

Что ты хочешь узнать, спросить нас о чем?
Мы ведь можем ответить, сидя верхом;
Коль позволишь,—мы на Гозеля пойдем:
Он отведает бед!—не сойдем с коней.

Эрали:

И мои ведь годы в страданиях текли,
Позабыл ведь и я услады земли;
Умоляет вас, юношей, Эрали:
Пиров чтя благодать, сойдите с коней!

Юсуп:

На езидов я кинусь как горный шакал,
Побежит от меня Гозель как шакал;
Но Юсуп говорит: ты к пирам воззвал;
Наш покорный ответ: мы сойдем с коней!

И Юсуп соскочил с коня, обнял Эрали и сел.

— Увы—он сказал,—ты напомнил о пире моем, и я вынужден был сойти с седла. Я ведь клялся „с коня не сходя“ войною идти на Гозель-шаха.

— Ах, Юсуп-джан,—сказал Эрали, после вашего исчезновенья от плача вседневного тьмою оделись глаза мои.

Он рассказал обо всем, что он пережил в годы разлуки, а Юсуп утешал его.

Счастлив был Эрали.

После он отдал трон Хивы Юсуп-беку и сделал его беком всех туркмен.

Глава седьмая

Мщение

Весь ургенчский народ собрался, встречая беков. Юсуп обратившись к старейшинам и предводителям, песню пропел:

Вожди, старейшины, народ!
Я ваш совет узнать хочу!
Я повести войска в поход,
Я в Миер войну помчать хочу!

Гяур да будет посрамлён,
И град его с землей сравнён;
Я Гозель-шаха взять в полон
И как раба связать хочу.

Желанье мести затаив,
Юсуп домой вернулся, жив;
Езидам печень заклеив,
Я в рабство их продать хочу.

Все старейшины и вожди одобрили мысль Юсупа. Собрал Юсуп-бек семнадцатитысячную рать и по всему Туркестану разослал триста гонцов, чтоб скликали они джигитов, говоря: „Все идите! Юсуп начинает поход на Миер!“.

Отдавая гонцам приказание, Юсуп-бек пропел песню:

Промчите мой привет и зов:
Пусть праведный султан придёт;
Вперед гонцы: из всех краёв
Пусть лев, пусть великан придёт.

Пусть шах науки боевой,
Кто мог бы с Гёр-оглы, герой,
В одном ряду стремиться в бой, —
Сапа-оглы Чақан придет.

Султан казахов удалых
(На Сыр-дарье владенья их),
Пусть, не замедля ни на миг,
Ко мне Буркут-султан придёт.

С волной родов, племен, колен,
Вовек не знающий измен,
Пускай, ведя с собой туркмен,
Текинский бек Заман придёт.

Пусть, соревнуя меж собой,
Езидам черной став судьбой,
С кровавой саблею кривой
Придет салыр, Казан придёт.

Трус не свершит в бою чудес,
Он проклят волею небес...
Джанет, мангыт и коне-кес —
Пусть весь их дружный стан придёт.

Пускай сородичи мои,
Спешат ко мне: их ждут бои;
Чтоб вражьей крови лить струи,
Пусть и бедняк, и хан придёт.

Пусть весь ко мне спешит Сарай,
Пускай конграт, джазгут, бедай,
Речной номай, кипчак, гедай,
Зовя односельчан, придёт.

Лишь боевой раздастся шум,
Пускай бойцов пошлет мне Рум,
Аджам пойдет без долгих дум,
Народ аравитян придёт.

Исламу открывая путь,
Не мысля часа отдохнуть,
Пусть горную осилит грудь, —
Пусть Шам и Ханаан придёт.

Чтоб славу новую вписать
Навеки в шахскую тетрадь,
Собрав стотысячную рать,
Пускай Афганистан придёт.

Сверкая розовым копьём,
Горя алмазным лезвиём,
В бою огонь кидая ртом,
Пусть дядя Бозоглан придёт.

Надев свой царственный наряд,
Оплот ислама, веры клад,
Пусть Бухара, пророка град,
Где чтут святой коран, придёт.

Юсуп всех беков кличет в бой;
Пускай сомкнется грозный строй;
Пусть помнят: божий лев со мной,
И к нам — Шахимердан придёт!

Отправив гонцов, Юсуп-бек пошел к матери, к Лагли-ханум, испросить разрешение.

Была вынуждена престарелая мать отпустить отважного сына и, прощаясь с ним, песню пропела:

Целую голову твою, орёл,
О, богоданное дитя моё!
Ты свежей розою в душе расцвёл, ---
Так долго жданное дитя моё!

Рустем по доблести в бою лихом,
Хатам по щедрости в краю родном,
Встань грудью львиною перед, врагом,
Святым желанное дитя моё!

Шахимердан тебе — всегда оплот;
Ты с божьей помощью пойдешь вперед,
И мать, Лагли-ханум, Юсупа шлёт
За славой бранною, — дитя моё!

Получив разрешение матери, встал Юсуп-бек во главе несметного войска и двинулся с ним по направлению к Мисру.

Через несколько дней подошли они к месту, где битва была с Гекджаком-шахиром. Видит: долины завалены трупами павших гяуров. Джигиты, видя такое побоище, пальцы себе прикусили от удивления, говоря: „молодцы!“

Эй, Ахмед-бек, — спросили они, — что за битва была тут, что эти за трупы?

И Ахмед-бек, отвечая им, песню пропел:

Враги, настигнувшие нас,
Сводили с нами счет, — валясь!
И все погибли в краткий час,
На дно долин с высот валясь.

Мы гнев им показали наш,
Мы судный день им дали — наш!
И брызгал кровью кызылбаш,
На грязный снег и лед валясь.

Мы, херезминские сыны,
Им показали суть войны:
Все нами здесь истреблены,
На хворост и помёт валясь.

О, беки! — говорит Ахмед:
Служить исламу — мой обет;

Нас вёл Али путем побед,
И пая гяур как скот, валясь.

Джигиты, услышав песню Ахмеда, стали подобны львам и смело свой путь продолжали.

Через шесть месяцев достигли они горы Хасар и на привал, раскинув палатки, остановились. На утро, свершая намаз, услышали все гром и грохот. Глядит: это войско афганцев пришло к ним числом миллион.

И опять показалось огромное облако пыли. Прибыл Бозоглан хан, дядя Юсупа, с пятидесятитысячным войском. Приблизившись хан Бозоглан поглядел на Юсупа и улыбаясь, промолвил:

— Что? Погордился? Не пожелал убить, Мурзаммеда и в плену оказался?

И, наставленью Юсупу давая, он песню пропел:

Беду из-за гордыни терпит шах;
Душе приносит много мук надменность.
У скромных покровитель — сам аллах,
Но точно-цепь для ханских рук —
надменность.

Гордыня взяв у человека ум,
Родит насмешки вокруг него и глум;
Он сам с пути сбивает как самум;

Всех бедствий расширяет круг
надменность.

Послушай Бозоглана, взор клоня;
Вернувшись, ты порадовал меня
Но сколько в сердце муки и огня
Влила, тебе, мой милый друг
надменность!

Юсуп-бек отвечал:

— О, почтенный любимый мой дядя;
Я глубоко раскаиваюсь в совершенных мною
поступках. Волю мою вручаю тебе я отныне!
Так Юсуп вручил свою волю почтенному
дяде.

Бозоглан посоветовал:

— Надо выслать дозор.

Юсуп-бек отделил десять тысяч джигитов
во главе с Ашир-беком сердаром и послал
их вперёд, а сам, с остальными войсками,
велел бить в бубны и трубить в трубы, дви-
нулся вслед за дозором.

Вдруг издалёка в тумане пятнадцать зна-
мён показалось и тридцать бунчуков.

Это был Гозель-шах. Он, в поход на Ур-
генч собиравшись, сбор назначил всем пол-
чищам у горы Хасар; с ним была только
часть его войска.

Ашир-бек, ободряя джигитов своих, песню
пропел:

Добравшись до езидских бунчуков,
Мы головой должны рискнуть, джигиты
Во весь опор помчимся на врагов,
Чтобы открыть исламу путь, джигиты!

Пусть в небеса взовьётся гром войны,
Пусть будут ангелы потрясены;
Рукам работа будет: мы должны
Гяура — кровью захлестнуть, Джигиты!

Отбейте знамёна и бунчуки;
Пусть мгла оденет горных скал клыки;
Рубите кызылбаша на куски.
Ему копьем пронзите грудь, Джигиты!

Ползёт как змей трусливый человек;
Для витязя — отрады полн набег;
И, коль в бою погибнет Ашир-бек,
Его вам — в саван обвернуть, Джигиты.

После этого войны Ашир-бек сердара с криком „алла!“ устремили коней и врубались в ряды езидов. Ашир-бек захватил многочисленных пленных и погнал их перед собой. Через девять дней он пригнал их к Юсупу. Юсуп раздал пленных джигитам своим, а двух полководцев пленённых Аширу отдал.

Затем бек текинский Заман, у Юсупа спросив позволения, повёл девять тысяч джигитов своих на разведку. Через восемь дней

увидали они пред собою обширное войско; сосчитали: там тридцать пять было знамён и пятьдесят бунчуков.

Джигиты Замана к нему обратились с вопросом:

— О, наш султан! Может быть, нам вернуться, не выдавая себя?

Бек Заман им в ответ, прославляя отважных и трусов клеймя, пропел песню:

Если витязь отважный видит врага,
Он оставить в ножнах свой клинок не хочет;
Ну а трусу шкура его дорога:
Жалким сердцем он бранных тревог не хочет.

Трус, лишь битвой запахнет, как пёс бежит,
Но отважный — сам ищет врага джигит,
И, едва лишь покажется где езид,
Храбрый — ждать хоть бы маленький
срок не хочет.

Смелый — жаждою боя весь обуян.
В малодушного дрожь вливает шайтан:
Если вражий блеснёт вдали ятаган,
Трус помедлить, летя со всех ног, не хочет.

Бек Заман говорит: на врага! вперёд!
Сокрушим, истребим езидский народ!
Трус же пусть из сраженья прочь уползёт:
Получить он от Славы цветов не хочет!

И тогда все джигиты, став подобными тиграм, с криком „алла!“ кинулись на езидов. Ворвались они в боевой порядок врага и беспощадно кололи его и рубили. Десяти тысячам руки связали они и к Юсупу пригнали. Юсуп ликовал и захваченных пленных велел между войнами разделить.

В рати Юсупа был богатырь Сапа-оглы Чакан. Был он воспитанником самого Гёр-оглы: двадцать лет у него он учился военному делу, а было ему самому сто сорок пять лет. Девять тысяч джигитов с собою взяв, он явился к Юсупу благословенья просить. И Юсуп благословил его на подвиг.

Сапа-оглы Чакан отправился в путь. Через три дня дошел он до склонов некой горы и стал на привал. Вскоре видят: огромное войско идет; сосчитали: триста шестьдесят пушек, триста шестьдесят бунчуков, восемь миллионов бойцов. И ведёт их сам Гозель-шах.

Сапа-оглы Чакан со всем войском, восклицая „алла!“, на врага налетел. Ворвались герои в самую гущу неверных, кололи их и рубили, и наземь валили. Объятые ужасом, пушки бросая и всё снаряжение, побежали езиды, добрались кой как до своих крепостей и, крепко ворота закрыв, засели в тех крепостях.

Бойцы Сапа бека львиным сердцем пылая,

огромную взяли добычу, шесть тысяч езидов живьем захватили и привели их к Юсупу. Всё войско Юсупа гордилось победою Сапа-оглы. И Юсуп спросил у героя:

— У кого ты учился искусству победы?

— У Гёр-оглы, — отвечал Сапа-бек и, вспомя сорок пронзительноглазных джигитов великого витязя, песню пропел:

Был вождь один великий; у него я,
У Гёр-оглы, скрещать мечи учился!
За вас я жизнь отдам на поле боя:
Я у Султана Комурчи учился!

Еще был вождь: в горах Сулдуз гулял он,
Там головы гяурам отрывал он,
На пушки мчался точно горный шквал он, —
Я у него, у Демирчи, учился.

Еще был вождь: налево и направо,
Один, врагов он сокрушал кроваво;
Я у Джемшида грозного, чья слава
До неба донесла лучи, учился.

Был юный вождь, но твердый как железо;
Стан — пальма, рот — прекрасного разреза,
Сын мясника он был, но у Овеза
Я днем и утром, и в ночи учился.

Максум-ходжа, Кайсар-ходжа упорный,
Вели, Баба—все взяты смертью черной,

Взор к небу обратя; и я, покорный,
У них, кто сердцем горячи, учился.

Их в небе ждали кущи роз живые,
Ненужны стали им дела земные;
Сапа-оглы Чакан,—у Муртазы я,
Кто держит райские ключи, учился!

Юсуп-бек, услышав это слово, осыпал дарами старого богатыря, порадовал его храброе сердце.

Был в Юсуповом войске один богатырь, Сапар-афган. Он за каждым обедом съедал по семидесяти пяти ягнят и по двадцати пяти взрослых овец. Услышав о геройстве Сапа-оглы Чакана, он во главе миллиона афганцев, явился к Юсупу с Ахмедом и, прося разрешения, песню пропел:

Беки мои, позволенье дайте
На кызылбашей помчаться мне
И на картину боя взирайте,
Слушая вопли их в вышине!

Пушками я разгромлю твердыни,
Кину мосты на каждой стремнине;
Плачь он иль празднуй,—решил я: ныне
Душу его я спалю в огне!

Нет у меня нехватки в джигитах,
Грозных героях, славой покрытых,

И — ваш приказ воодушевит их
Кинуться в бой на ярмом коне!

Буду рубиться я неустанно,
Я полечу быстрее урагана;
Шлите же в битву Сапар-афгана,
Чтоб я упился кровью вполне!

Получив позволение Юсупа, Сапар-афган со своими войсками обложил все крепости Гозель-шаха и каждый день приступом брал по одной. Так девять крепостей он захватил. Взял он в плен восемнадцать тысяч езидов, пригнал их к Юсупу, — и роздали их отличившимся воинам.

Речь мы теперь поведем о Гозель-шахе.

— Юсуп и Ахмед во главе бесчисленной рати двинулись в нашу страну, — сказал Гозель-шах приближенным своим, — отразить этот натиск нам не под силу. Надо мириться.

Написал он письмо с предложением мира, сорок мулов навьючил золотом и сорок гонцов с караваном этим к Юсупу отправил.

Послы передали Юсупу письмо Гозель-шаха и мулов. Юсуп прочитал послание шаха, позвал своего письмовода, велел написать ответ на письмо Гозель-шаха и вручил свой ответ гонцам. Гонцы передали шаху посланье Юсупа, и вот что прочел в этом посланьи шах:

Весь отдай мне государственный налог,
Всё, что выбить мог и высечь, мне пришли;
Свертки бархатов, шелков и поволок, —
Всех сортов по сорок тысяч мне пришли.

Златосёдлых ветроногих скакунов,
Майя, нэров и верблюдов, и ослов,
Златопоясных обученных рабов, —
Этих всех по сорок тысяч мне пришли.

Сытых ланей, отгулявшихся в степях,
Носорогов на серебряных цепях,
Ловчих соколов, павлинов, черепах, —
И всего по сорок тысяч мне пришли.

Пестрых, в озере гуляющих сона,
Юных женщин, — да чтоб каждая стройна! —
И поэтов, чья певучее струна, —
Этих всех по сорок тысяч мне пришли.

Шли мне сорок звездочетов, сто чтецов,
Тридцать лекарей, сто десять мудрецов,
Шли буланных и каурых жеребцов, —
Каждой масти сорок тысяч мне пришли.

В черных локонах, упавших на плечо,
В звездах родинок, пьянящих горячо,
Шли мне женщин, шли мне девушек еще, —
Их, красавиц, сорок тысяч мне пришли.

Шли с каемкой золотою мне платки,

Шелком шитые китайским кушаки,
Из парчи золототканной узелки,
И всего по сорок тысяч мне пришли.

Шли кольчуги мне, шелома и щиты,
Шли слонов, да небывалой высоты!
Коль испробовать не хочешь сабли ты,
То всего по сорок тысяч мне пришли.

На верблюдах привези мне рис и маш!
Слышишь? горы сотрясает топот наш!
Знай, что медлить мы не будем, кызылбаш,—
И всего по сорок тысяч мне пришли.

Если хочешь ты страну свою сберечь,
Шли винтовки мне, заряды и картечь,
Шли попоны, чтоб коней моих облечь,
И всего по сорок тысяч мне пришли.

Шли мне пряжки золотые и ножи,
Перламутром рукояти обложи,
Золотых наделать шлемов прикажи
И всего по сорок тысяч мне пришли,

Шли отделанные золотом клычи,
Шли плетёные из золота камчи
С бахромою из серебрянной парчи,
И всего по сорок тысяч мне пришли,

Шли овец, ягнят и туров, и быков,

Скатертей, чеканных кубков и ларцов;
Ждать Юсуп не согласится: он готов!
всего по сорок тысяч мне пришли!

Гозель-шах, испугавшись, немедля в хранилища свои и сокровищницы спустился, вмиг собрал всё и с послами Юсупу доставил. Роздал богатства Юсуп своему ополчению, но, увы, и половине бойцов не хватило добычи. Юсуп-бек вновь позвал своего письмовода и письмо написал Гозель-шаху: пусть вышлет побольше. Послы передали письмо Гозель-шаху; вот что прочел он:

Твою столицу и другие грады
И твой престол с твоим венцом отдай,
И все твои сокровища и клады,
И твой дворец, и каждый дом отдай.

Все крепости отдай, твои твердыни,
Твои колодцы и пути в пустыне,
Твои беседки, где поют рабыни,
Твою подушку с тюфяком отдай.

Твои сады до их последней травки,
Твой Регистан, твои базары, лавки,
Всех щёголей алмазные булавки
С любым тумаром и кольцом отдай.

Иначе от востока до заката
Твоя страна как войлок будет смята!

Эбив истуканы Лата и Мината,
Всех идолов с их алтарем отдай.

Юсуп, — ты знаешь, — неплохой рубака!
Я изгоню всех курдов из Ирака!
Гляди, потом не жалуйся, собака!
Всё мне, что в сердце есть твоём, отдай!

Гозель-шах, увидав, что и Лата с Минатом
он должен отдать, растерялся, в оцепенение
впал, не зная, что делать.

Стал он советоваться со своими вельможа-
ми. И один из вельмож сказал:

— О, мой султан! Сон ты видел когда то.
Истолковать его мог только старый Камбар,
находящийся ныне в темнице. Освободи его
из темницы и с ним посоветуйся.

Выпустил Хемзе-кызылбаш из темницы де-
да Камбара и, мизинцем подняв его, доста-
вил в покой шаха.

— Дед мой Камбар, мой высокий наставник,
дай мне совет. С огромною ратью Юсуп и
Ахмед на меня наступают. Сколько ни шлю
им даров, — недостаточно. Что же мне де-
лать? — спросил Гозель-шах и заплакал.

— О, султан езидов! — ответил старик. —
Когда мы сидели в темнице, одна юная де-
вушка и одна молодая женщина милость нам
оказали — Юсупу, Ахмеду и мне. Если ты пош-
лешь эту девушку с сорока другими краса-

вицами к Юсупу просить за тебя, быть может, он смилостивится.

И он пропел песню:

Есть девушка в твоей стране, — кипарис!
Твое моление та рагна передаст;
Она в тюрьме спускала нам пищу вниз
И жалобу твою она передаст.

Ты юных девушек пошли вместе с тем,
Чтобы равнялись красотой с Шасенем,
Лет по четырнадцати, — весь твой гарем:
Она просьбы все твои сполна передаст.

Им сорок паланкинов дай золотых,
Придай поэтов и певцов молодых:
Твои тревоги отразит звучный стих,
Их — заунывная струна передаст.

Юсуп узнает, что Камбар не исчез...
Я воспеваю дочь Хемзе, дар небес;
Царица красоты земной, Карагез,
Всё, чем душа твоя больна, передаст.

Вызвал к себе Гозель-шах Карагез, дочь Хемзе-кызылбаша, и, во главе сорока прелестнейших девушек, отправил к Юсупу её. Девушки вышли из города Миср и направились в лагерь Юсупа. Юсуп им навстречу выслал людей, приказав:

— Карагез, мою ханшу, ко мне приведите со спутницами её.

Привели Карагез к Юсупу.

И Юсуп, взяв сааз, обращаясь к посланцам, песню пропел:

Добро пожаловать к бойцам,
Бальзам души моей, красавицы!
Отдам я в жертву душу вам,
Отрада юных дней, красавицы!

Алмазы в локоны вплетя,
Бровями тонкими грустя,
Ногтями алыми блестя,
Вы нам — вина пьяней красавицы!

Чтобы ловились соловьи,
Силки вы ставите свои,
И ваших локонов струи
Любых тенёт прочней, красавицы!

У вас в рабах-любой джигит,
Без вас он вянет и дрожит, —
И к розам родинок летит
Юсуп, как соловей красавицы!

Карагез после этого, сняв с лица покрывало, предстала перед Юсупом, склонившись в поклоне.

Юсуп, спрашивая о старом Камбаре, взял свой сааз и песню пропел:

Для узников, чей свет навек погас,
Была ты божьим даром, Карагез,
И ты как мать заботилась о нас, —
О молодых, о старом, — Карагез.

Я рад к тебе лететь как мотылёк,
Хотя бы сердце близь тебя я сжёл;
Я рад исполнить каждый твой намёк:
Пришла ты к нам недаром, Карагез.

Но Юсуп-бек заботою объят:
В темнице деда до сих пор томят;
Покоя нет; что с ним? — Ступай назад
И к нам приди с Камбаром, Карагез!

Тут Карагез, притворяясь печальной, сказала:

— Он умер, твой дед.

И, в руки взяв сааз, песню пропела:

О, мой султан, мольба в моих словах:
Не оттолкни испуганной и нищей;
Я пред тобой готова пасть во прах:
Не превращай наш город в пепелище.

Не обрекай на гибель мой народ;
Пускай мороз цветник наш не побьёт;

Рой девушек великодушья ждёт:
Не оставляй без крова нас и пищи.

И не гляди на Карагез в тоске,
Клинок досады не сжимай в руке,
Не спрашивай о мёртвом старике:
Твой дед Камбар погиб в своем жилище.

Потрясенный печалью и гневом Юсуп,
вспоминая Камбара, взял в руки сааз и, плача,
песню пропел:

Где наш старик? Не будет мира вам,
Пока его лицо не обласкаю!
Ужели мёртв он, мой Кыбла, мой храм?
Пока я жив, надежды не теряю.

Где мой старик? где милый мой Камбар?
Коль жив он, я любой вручу вам дар,
А мёртв, — я нанесу такой удар,
Что стремена в крови поискупаю!

Юсуп клянется деда повидать,
Прах из под ног его для глаз собрать!
Сомнением охвачен, двину рать
На бой, — покуда правды не узнаю!

Опечалились девушки. Возвратились они к
Гозель-шаху и сообщили:

— Юсуп не помирится, прежде чем деда Камбара к нему не доставят.

Немедля велел Гозель-шах дать свободу Камбару и с почестями к Юсупу его отвести. Прознав о прибытии Камбара, Юсуп со всем войском вышел навстречу к нему и, обратившись к страдальцу, песню пропел:

Один, в тюрьме, от мук ты изнемог!
Прости, что мы покинули тебя!—
В плену томиться — был наш общий рок;
Прости, что мы покинули тебя!

Мы вместе выносили плен и гнёт,
Делили тяжесть горя и невзгод;
Прости: меня раскаяние жжет,
О, дорогой! Покинули тебя!..

Ах, для Юсупа — Страшный суд сейчас!
Прости меня; струится кровь из глаз!
Но верь: не трусость уводила нас,
Когда, родной, покинули тебя!

После этого старый Камбар, вспоминая примеры и притчи, песню пропел:

Наш путь земной от века дан;
Скитанья все — предречены.
Пойми меня, Юсуп-султан:
Страданья все — предречены.

Любила вас душа моя;
Покинут, вынес муки я,
Без вас рыдал в разлуке я;
Рыданья все — предречены.

Камбар молился, что ни час,
Ждал смерти, не смыкая глаз,
И — счастлив он: он видит вас!
Свиданья все — предречены!

После этого сделал Юсуп деда Камбара послом и отправил его к Гозель-шаху для переговоров. Прибыл Камбар к Гозель-шаху.

— О, падишах, сказал он, — я много соли ел у тебя. Юсуп и Ахмед подступили к столице твоей с огромною ратью. Бог да поможет тебе.

И, взяв сааз, он песню пропел:

Подобной рати не было, мой шах!
С миллионом войск Сапар-афган явился;
Разбив шатры в степях и на горах,
Хатам-солтан, Юнус-солтан явился.

Владыка львиносердых удальцов,
В огне войны испытанных бойцов,
С железным лесом копий и клинков,
Полн ярости, Буркут-солтан явился.

Ты испытаешь множество невзгод;
Бестрепетный тебе грозит народ.

Он на тебя Рустемов грозных шлет:
Весь Андижан и Маргелан явился,

Соединились все: Ай-хан, Гун-хан,
Князя Арала и Недир-солтан;
Сам Ашир-бек свой поднял ятаган;
Хорезмский шах Эрали-хан явился.

Твой город весь во власти смёртной мглы,
Тебе пощады не дадут орлы:
Сам боевой товарищ Гёр-оглы —
Батыр Сапа-оглы Чакан явился.

В несметной рати — малодушных нет,
И для езидов меркнет белый свет;
Знай: ненасытный, точно волк, Ахмед,
Мечтой о мести обуян, явился.

Они на город пушки наведут,
Они тебя казахам продадут,
Отрезав нос: их гнев свиреп и лют;
Знай: исфаганский Бозоглан явился.

Немало горя твой увидит взор;
Твой род угаснет как в ночи костёр;
Всем племенем йомут пришел, салор;
Ты задрожешь: Салор-Казан явился.

Ведя текинцев сребролатых строй
В доспехах румских с тонкою резьбой,

С винтовками в насечке золотой,
Звездорожденный бек Заман явился.

Бить в бубны битвы на полях твоих,
Пустить народ гулять в дворцах твоих,
Забрать алмазы в погребах твоих —
Мару, владыка многих стран, явился.

Поверь Камбару: ты увидишь ад:
Всех идолов езидских сокрушат,
Жен продадут и город разгромят;
Знай с беками весь Туркестан явился!

Тут Гозель-шаху бог прозренья послал.
Шах произнес „келемешахадат“ и стал му-
сульманином.

С тремястами шестьюдесятью сановниками
принял Ислам Гозель-шах. Дед Камбар про-
водил их к Юсупу. Гозель-шах и вельможи,
почет Юсуп-беку воздав, на милость его от-
дались. Пригласил Гозель-шах Юсупа, Ахме-
да и деда Камбара, и всю их несметную рать
в город Миср, усадил победителей — беков
на трон воздал им царские почести.

— Там в темнице чётки мои остались; поди,
принеси их, — повелел Юсуп-бек Гозель-шаху,

Гозель-шах поспешил сам спуститься в тем-
ницу, отыскал эти четки и Юсупу принес их.

— Благодарение богу! — сказал, улыбаясь

Юсуп, — я клялся послать Гозель-шаха в темницу; эту клятву я ныне исполнил.

И он пропел песню:

Хвала творцу! Я торжествую ныне:
Шах побывал в моей темнице сам;
Я сокрушил езидские твердыни
Я всех гяуров обратил в ислам.

Я Хатиджу, праздник счастья, кличу;
Езид сражён; я край мой возвеличу;
Я захватил бесценную добычу
И золото раздал моим бойцам.

Драконьим ядом восемь лет палимый,
Взметнулся я как тигр неукротимый.
Камбар поедет в Чин-Мачин родимый,
Юсуп — в Хорезм, чтоб наслаждаться там!

Семь дней восседал Юсуп-бек на престоле, принимая прошения и челобитные.

Затем он вернул престол Гозель-шаху, сто верблюдов и семьсот мулов навьючил золотом, взял Карагез и красавицу Биби-Нияз, вышел из города Миср и направился в Дин-Хорезмин.

Через несколько дней достигли они горы Пеше. Здесь почтили они память храбрых джигитов Ашира, здесь погибших как мученики, и путь продолжали. Через семь меся-

цев достигли Ургенча они, и Юсуп, разделив привезённое золото, отправил на родину ханов, беков, вождей, полководцев и всех джигитов.

Старый Камбар, готовясь уехать в родной Чин-Мачин, прощаясь с Юсупом и Ахмедом, песню пропел:

Свет очей моих, джигиты, радость глаз,
сынки мой,
Сотоварищи в несчастьи, божий глас,
сынки мой,
Славой блещущие бранной как алмаз,
сынки мой,
Шахи мира! Мне бы вечно видеть вас,
сынки мой,
Но пришла пора проститься добрый час,
сынки мой.

В Чин-Мачине, благодатном все родные
у меня,
Там защитники друзья там дороге у меня,
Там сады мои, беседки расписные у меня.
Там террасы и чертоги золотые у меня.
Нам пришла пора проститься в добрый час,
сынки мой.

Был я волей рока злого с милым градом
разлучен;

Я родных не мог коснуться даже взглядом,
разлучен;
Я без родины томился, чужд уладам,
разлучен,
Точно соловей, который с вешним садом
разлучен.
Нам пришла пора проститься в добрый час,
сынки мои.

Плачу!.. Будете ли помнить все невзгоды
наши вы?
Полководцы и эмиры! Щит свободы
вашей — вы!
Оба вы прекрасней перлов, всех красавцев
краше вы;
Для моих страданий горьких точно с мёдом
чаши вы!
Нам пришла пора проститься в добрый час,
сынки мои.

Дед Камбар, молясь аллаху, прежних
горестей избег;
Снова счастье увидали Юсуп-бек и Ахмед-бек;
Знайте вечно: в Чин-Мачине есть родной
вам человек,
Я ж за вас молиться буду, чтобы ваш
продлился век.
А теперь пора проститься в добрый час,
сынки мои!

После этого исполняя желание деда Камбара и Карагез, Юсуп-бек соединил их браком и семидневный устроил той. Отовсюду собрались на это празднество акробаты, борцы, канатоходцы, музыканты, сказители, шуты.

После этого все проводили Камбара в далекий путь.

Юсуп-бек, Ахмед-бек, красавица Гюль-Хатиджа, красавица Адина достигли всех целей своих, осуществили желанья заветные.

Взволновалось сердце Юсупа.

Сказав:

— Ничего не осталось несбывшегося у меня! — он песню пропел:

Ты со мной забавлялся, рок,
Но сбылось, чего я хотел.
Мне скакать вдоль горных дорог
Довелось, — чего я хотел!

За надменность я в плен попал,
Я семь лет в колодце лежал,
Но опять я свободным стал:
Так сбылось, чего я хотел.

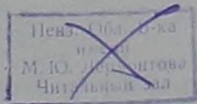
Всюду стал я бойцов скликать,
Я собрал огромную рать;
Мне столицу Гозеля взять
Довелось, — чего я хотел.

Я богатства привѣз родне,
Я победу знал на войне:
Укротить кызылбаша мне
Удалось, — чего я хотел.

Я сердаром великим стал,
Я страну свою охранял,
Города я и замки брал, —
Все сбылось, чего я хотел.

Юсуп-беку — пиры друзья;
Божий лев — опора моя;
И в текучей мгле бытия
Все сбылось, чего я хотел!

Конец

КОММЕНТАРИИ

- Аббас* — имеется ввиду иранский шах Аббас Великий (1587—1628), пользующийся на Востоке репутацией Демосфена.
- Ага* — старший брат, господин; почтительная приставка к имени.
- Алау-Ходжа* — один из мусульманских средневековых святителей.
- Али* — четвертый мусульманский халиф (656—661).
- Али* — богатырь.
- Баба* — дед, дедушка.
- Батман* — мера веса, у большинства туркмен близкая к 22 кг.
- Везир* — министр или советник монарха на мусульманском Востоке.
- Гез* — мера длины; расстояние от груди до конца пальцев вытянутой руки.
- Гюлистан* — цветник, розариум.
- Гюль* — цветок, роза, распространенное добавление к женскому имени.
- Даг* — буква арабского алфавита; образ кривизны и согнутости.
- Джан* — душа; ласкательная приставка к имени, обращенные к близкому, любимому (ср. *душенька*).
- Джерджис* — один из мусульманских мучеников, изрезанный на сто кусков; имя Джерджиса с ало символом мученичества.
- Диванбеги* — титул феодальной иерархии на Востоке; вельможа, занимающийся заготовкой провизии для двора эмиров, ханов; статс-секретарь.
- Дия-Хорезмин* — то же, что Хорезм.
- Дутар* или *дутара* — двухструнный музыкальный инструмент у туркмен, тип мандолины.
- Дюль-Дюль* — кличка мула (в туркменской традиции — коня) Али; мусульманское поверье и старая

литература приписывают ему сказочные свойства.

Езид—сын Халифа Моавии (680—683), организатор убийства потомков халифа Али; имя приобрело значение бранной клички.

Емрели—название одного из туркменских племен.

Ильяс—библейский пророк Илия; по мусульманскому поверью, властвуют над пустынями.

Имам—предстоятель на молитве, творимой мусульманами сообща (в мечети).

Ишан—духовник.

Кап или *Каб*—мифические горы, опоясывающие землю.

Карга—ворон, ворона; символ осторожности и пугливости.

Катлама—вид слоеных блинов.

Сатык—кислое молоко, род простокваши.

Кизы аш и—часть тюркских племен, живших на территории Ирана и носивших на голове красный тюрбан (кызылбаши дословно — *красноголовые*).

Кияс—мусульманский святой.

Коус—мусульманский святой.

Кулпак—длинные пряди волос, отпускаемые со дня рождения.

Кыбла—направление к Мекке, где находится мусульманское святилище Кааба; ласкательное обращение.

Лал или *Лалл*—рубин.

Лат-Минат или *Лат и Минат*—название двух каменных идолов, коим поклонялись до-мусульманские арабы; разрушен Мухамедом.

Мансур—один из мусульманских богословов; за свои еретические взгляды был повешен в Багдаде около 920 г.

Мар-Гир—кличка коня Юсупа; дословно — *захватывающий змей*.

Миршеб—начальник ночной тюремной стражи.

Миср—Египет.

Мурза—титул феодальной иерархии на Востоке, почтительная приставка к имени; дословно-писарь.

Мухамед или Мухаммед, Магомет—основатель Ислама (570—632—предположительно.)

Ночь Кадра—ночь легендарного полета Мухамеда на небо.

Нукер—воин, военный слуга, стражник.

Нуи—буква арабского алфавита; образ согбенности (ср. дал)

Нэр или *нер*, *инер*—Порода особо сильных верблюдов, символ мощи.

Ок-кесме—старинный обряд у туркмен; всадник стремительно проезжает мимо двора, кибитки, где устраивается той, свадьба.

Пери—мифическое существо, сказочная девушка (ср. фея).

Пир—духовный отец, покровитель.

Регистан—публичная площадь, место официальных провозглашений, казней и пр. (ср. форум).

Рум—Византия.

Рустем—герой поэмы Фердоуси „Шах — Намэ“, прославленный богатырь.

Сааз или *саз*—музыкальный инструмент, а также сама музыка.

Сарай-бан или *сарай-баш*—владелец каравансарая, дежурный в нём.

Сеиды—племя, считающееся потомками Мухамеда.

Сердар—полководец, вождь.

Силь—поток ливневых вод с гор, „водяная лавина“.

Сона—порода пестроцветных уток; обычное уподобление для красивой женщины (ср. русское *пава*, *лебедь белая*).

Сунниты—приверженцы суннизма (одна из ветвей ислама; противостоит шиитизму).

Тельпек—головной убор у туркмен; шапка из овчины.

- Хазан*—осенний ветер, губящий растения и деревья, вызывающий листопад.
- Хатам*—легендарный араб из племени тай (VI в.): олицетворение щедрости и гостеприимства.
- Хидыр* или *Хизир*, *Хизр*—мусульманский чудотворец, покровитель заблудившимся в пустыне.
- Хорезмин*—то же, что Хорезм.
- Хуссейн*—сын халифа Али; убит своими противниками омейядами в пустыне Кербела в 680 г.; символ мученичества.
- Чанади*—вид блинов, слоек.
- Чельпек*—тонко раскатанные слоеные блины.
- Чильтены*—группа мусульманских святых, числом сорок (дословно *сором тел*).
- Чин*—*Мачин*—Китай.
- Шахимердан*—одно из прозвищ халифа Али (дословно *шах мужей*).
- Шахир*—поэт.
- Шейхи*—*Шереп*—духовный писатель, живший, по преданию, в XIV в.
- Шераб* или *ширап*—сладкое вино, вид ликёра.
- Ширин*—героиня односюжетных поэм Низами и Новаи „Фархад и Ширин“.
- Элиф*—первая буква арабского алфавита; образ прямизны и стройности.
- Эрсари*—одно из туркменских племен.
- Юсуп*—библейский Иосиф Прекрасный, предания о котором легли в основу романа туркменского писателя XVIII в. Индалиба „Юсуп и Зулейха“.
- Якуб*—библейский Иаков, отец Иосифа Прекрасного, проданного, по преданию, своими братьями в Миср (Египет); символ страданий и терпеливости.
- Ясаул*—посыльный, вестовой.
-
-

1p-20x

